

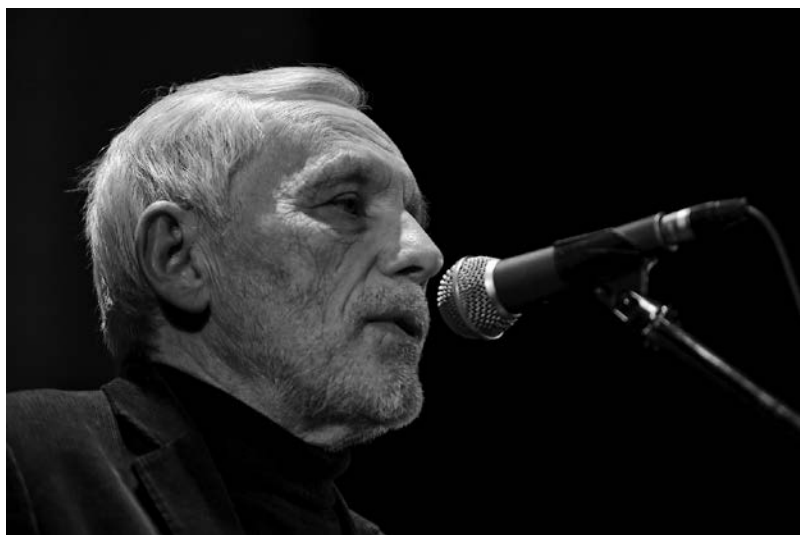
Русский ~~Х~~ОД

Виктор Петров

Русский ~~Х~~ОД

Виктор Петров

Виктор Петров
РУССКИЙ ХОД

Виктор Петров

Русский

ХОД

Стихотворения

2025

*Мысли и чувства русского человека
присущи поэзии Виктора Петрова.*

ОРЛИНЫЙ ВЗМАХ

Сорок лет орлу – стончатся клюв и когти,
И тогда летит и бьётся о скалу он.
Это вам не торкать пальчиком тик-токи:
Клюв сорвёт, а вот к гибели не склонен!

Отрастает клюв у птицы за полгода,
И выдёргивает клювом когти с кровью.
Возносима тем орлиная природа,
Что живуча не одной телесной новью.

А выдерживает одоленья муку,
Ожидая час урочный горделиво,
Чтобы вынес взмах орлиный, потому как
Разметалась ковыля степная грива.

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Траурные чернеют пашни
И седеют в зимнем серебре.
Сколько тех, ни за что пропавших,
Сколько бесприютных – не в себе!
Люди бедные... Я такой же.
Вот иду, а очи – в тротуар.
Если б мог, то вылез из кожи,
Чтобы монетизировать дар!
И деньгу раздать, кому надо,
И в другой раз на раздачу стать –
Уберечь от голода-хлада:
Пусть считают – Божья благодать.
Высший дар – небесная мета –
Нате, забирайте у меня,
А смеяться в голос не смейте –
Видите: не вижу бела дня!
Где тот Достоевский великий,
Сам страдалец, чтобы описать,
Как в храме иконные лики,
Страждут бедных таких вот спасать.
Бедный люд, несчастный, убогий,
Будь спасаем от мира сего...
Не просить бы только у Бога
Ничего для себя самого.

АВДЕЕВСКИЙ ХРАМ

Всем законам – войны закон:
Если ангел взлетает вверх,
Указуя на вражий схрон,
То прощается танку грех –
Разутюженный террикон.
Белый свет во скорбях не бел,
Только, волей Христа храним,
Храм авдеевский уцелел,
И крылатится крест над ним,
И алтарный живёт придел.
Я на этой земле рождён,
А случится, так лечь в неё,
Поливаемую дождём –
Дождь свинцовый горит огнём,
Отступая за окоём.
Дан же Киеву знак дурной –
Рухнул там на соборе крест.
Повиниться кому виной
За безумие этих мест
И молить о судьбе иной?
Вот и бьётся в бою мой брат,
Как свершает последний Суд...
Орудийный гремит набат,
И в ответ колокольный гуд
Воскрешает киоты хат.

Тучи небо застят, и пути неведомы,
Дерева на холод костенеют ведьмами.

Други обратились в ярых супротивников –
Вижу с ними брата родного: «И ты никак?!..»

Да и брат некровный, с кем навроде близкие,
За кордон свалил и всё чего-то рыскает.

Женщины мои, не вы ли мной любимые?!
Каждую тревожу окликом по имени.

А глазами с каждой больше не встречаемся...
Что же мне такому – горевать, отчаяться?

Тяжелее не бывает быть на родине,
Ворогу уступлена да и распродана.

Только Божья воля никого не минула –
Пробил грозный час Пожарского и Минина.

Сколько жизнью питан, эх, судьба неладная!
Лишь оберегает матушкина ладанка.

БРАТЫ

Бьются братья смертным боем –
Брату брат уже не брат.
Столкновение лобовое,
Мат стоит да перемат.

Выгорело чисто поле,
Крыто залповым огнём.
И с Андрием дьявол в доле,
Плачет паночка о нём.

Горе горькое Тарасу –
Люльку с горя уронил...
И курочат танки трассу
Тыщей лошадиных сил.

Ну а ляхи, что там ляхи
Всех мастей и всех времён?!
Шиты смертные рубахи,
Да не каждый погребён.

Потому как батарея
Бьёт прицельно по врагу,
И заката флаг, не рея,
Сник на траурном снегу.

Близок холод, лютый холод –
Жизни прежней больше нет:
Сердце так и ходит, ходит,
Разорвав бронежилет.

Марш – с этапа до этапа –
Изо всех железных жил.
Где Остап? А нет Остапа –
Сынку голову сложил.

Птица Жаль стелет следом,
Эта Жаль – всему беда.
Никому ещё неведом
Путь последний в никуда.

Что же будет? Ветер будет
Над сгоревшим полем выть
И, как датский принц, рассудит:
Быть – кому? кому – не быть?

РУССКИЙ ВАГНЕР

Звучал в Берлине русский Вагнер
И немцам сдаться предлагал.
Сегодня явлен тот же враг нам,
А с ним и англосакс, и галл.

Оповещал призывный рупор,
И выходили – руки вверх.
Лишь отморозки – труп за трупом –
Делили реквием на всех.

Опять ступают иноверцы,
На русский зарятся простор.
Противу русских, знамо – немцы,
И так с тевтонов до сих пор.

Немые – языка не знают,
Не знают, кто такие мы...
И утвердится наше знамя,
Рассеивая ужас тьмы.

Искали б золото на Рейне...
Какого лезете рожна?!
Пытливо дроны в небе реют –
Украина русской быть должна!

Какие нибелунги к чёрту,
Когда здесь русский чернозём!
И враг латиницей зачёркнут,
А с нами Бог – мы не умрём.

Всяк русский – разве только русский?
Все русские, кто вместе с ним...
Под звуки Вагнера в нагрузку
Мы непременно победим!

Пред Родиной не виноваты,
Отчаянные ЧВК
Идут на смерть, как шли штрафбаты
По указанию штыка.

И вслед, сверкая блеском стали,
Ударит по врагу Урал.
А музыку товарищ Сталин
Не зря к Победе подбирал.

Паучьей свастикой помечен,
Сгорает хищный танк на раз.
– Сдавайтесь, немцы – рейх не вечен!-
Пришёл от Вагнера приказ!

ЗНАК

Росчерк ставил в конце приказа
Буквой «Z» рядовой штабист.
Этот знак – не слова, не фраза –
Обособил командный лист.

Знать не знаем ещё итога,
Если следом – приказ другой:
Вдрызг изрытая взрывом дорога
Стала вестью для нас благой,

Потому что по ней упрямо
Наши двигаются вперёд,
И разыгрывается драма,
Заряжая смертей черёд.

Знак победный исполнен смысла,
Знак стремительный, молний знак.
Это Волга и Днепр, и Висла...
Одер с Темзой – уж если так!

Знак повсюду, и в отчем граде
Был дотоле и снова есть –
Мой Азов! Изначалья ради
Возвратима Азову честь.

Рейха вражеские знамёна,
Что бросали под Мавзолей,
Изверги из нацбатальона
Заимели и стали злей.

Опорочить хотели слово,
Не случилось того у них:
Буква Z это знак Азова
Да и моря – от сих до сих!

И латиница стала русской,
И в названиях русских есть,
Утверждая ракетным пуском
Нашу волю и нашу честь.

АЗОВСТАЛЬ

Я селюсь в заводской общаге
И работаю в многотиражке,
Множась на газетной бумаге...
Спать не сплю, причислен к третьей страже.
Страдаю по той, что – в Азове
И не помнит обо мне, должно быть...
Я перевоплощаюсь в слове,
Набираю джеклондонский опыт.
Мне уже двадцать... Только двадцать!
Чтоб развеять тоску об Азове,
Выйду к морю – огни двоятся:
Так меня пробивает слезою.
Я не сентиментальный парень,
Но что тут поделаешь, когда мне
Одиноко порой не в паре,
Мучит ностальгия о недавнем...
И тогда в унисон со мною
Выдыхает «Азовсталь» с оттяжкой.
...Сгинь, сутулость! – с прямой спиною
Отстучу статью в многотиражку.
И машинку «Москва» отставлю,
И небо увижу вдруг мартеном –
Разливается солнце сталью,
И зарево блуждает по стенам.
Кальмиус воды к морю катит –

Чудятся Дона Тихого воды.
И громовые бьют раскаты –
Кто расстреливает даль свободы?!
Наперёд ничего не знаю
И мало что понимаю в жизни:
Кровь Предтечи тяжелит знамя,
Как предрекает распад Отчизны.
Это потом узнаю точно,
Что означает людская убыль.
Если ударит вражья «точка» –
На части разорван Мариуполь.
А тогда – киевлянка Алла,
Друг мой грек Балджи, еврей Гришкевич –
Вся редакция наша знала:
Вместе мы, и это разве мелочь?!
Мы роднились не кровью – духом,
Нет родства такого в свете крепче.
Азовстальская же разруха –
Неразгаданная кровь Предтечи.

УКОР

Очнись от морока, страна,
Твоя судьба ли не странна –
Да сгинет летаргия сна!

Тебе досталось, чтобы ты
Постигла степень темноты,
Над коей русские кресты.

Кровит последняя черта,
И по квадратам бьёт арта,
И холодеет крик у рта.

А снег – не снег... То выюжит прах...
И подступает к сердцу страх
За родину мою в снегах.

Теряет мальчиков своих,
Покуда вал огня не стих
В краю родном, в краях чужих...

Сегодня, завтра их черёд
Подняться и шагнуть вперед,
Разламывая шагом лёд.

Под берцами – вселенский треск:
И отзовутся эхом Брест,
И флага краснозвёздный плеск.

Не зря хранит монетный двор
Медальный штамп до наших пор,
Где лик вождя – немой укор.

Сберечь могли... И не смогли,
И на страданье обrekli
Одну шестую часть Земли.

Генералиссимус суров.
Ему ответствовать готов
Лишь тот, кто бьёт врагов.

И отчеканится медаль
За русских сталинскую сталь
И взятую с боями даль.

Постичь даётся нам черту,
О, родина, и по кресту
Измерить духа высоту.

Восстала сталь – и я, и ты:
Мы за чертой и у черты,
И воспаряют ввысь кресты.

ЖАВОРОНОК

Письма Татьяне в Донецк

Одна-две мимолётные встречи иной раз удивительным образом делят твою жизнь не во времени, а в ином измерении, где чувства перехватывают горло и чудом спасает связуемая нить. Но и где узнанная тобой, или, может быть, лишь угадываемая судьба осязаема до того, что становится ближе твоей собственной. Ты готов жертвовать всем, желая охранить открывшуюся тебе душу в этом жестоком мире. И да станет оберегом твоё Слово!

1

Шубку носишь, как мантию,
Свет златится оплечь
Так, что взоры туманит
И срывается речь.
Ты морозом целована –
Тает снег на губах...
И затрону ли словом,
Сам ничтожный, как прах?
Лучше сразу на лобное
Место мне укажи,
Чем замёрзнуть в сугробах
У таможни-межи.
Я захлестнут дорогами –
Заказала мой путь.
Губы, может быть, дрогнут,
А снежинок не сдуть.

Королевской ли милостью
Дан московский мне сон?
Если даже примстилось,
Да не кончится он!

2

Я пить не пью – пускай другие пьют,
Но рядом ты, что обожаешь брют.
И голова моя в огне, в дыму...
Куда бокалы делись, не пойму?
И разливаем по стаканам брют
Под ветра плач о тех, кого убьют,
И даже, может быть, сейчас как раз –
И горек ветра мёрзлого рассказ.
Пронизывает стены вьюги вой:
И кто живой – уже как неживой.
То адский смерч забил из-под земли,
Обрушивая мир вблизи, вдали...
Зияют хладом шахтные стволы,
И уголь не сгорает до золы.
И злу назло – с тобою визави:
Искрится брют, шампанское любви...
Опять проездом в городе моём –
И крымский брют за нашу встречу пьём,
И ветры на дорогах петли вьют,
И вот уже в глазах искрится брют,
И есть на всё про всё лишь два часа...

А там прифронтовая полоса –
И сбросит мама эсэмэску: «Жду...»
И тем отводит наперёд беду.
Стихийный вой – потусторонний крик,
Не он ли в душу остриём проник?
И снежная клубится в окнах взвесь –
И вдруг волчица подвывает здесь.
Я знаю ту волчицу. Как не знать!
Везде мелькает мстительная стать.
Зовут зверюгу северной пургой,
Но здесь другая – быть хочу с другой.
И что мне волчья бешеная пасть,
Когда бы с нежностью к тебе припасть!
Но горек сладкий вкус вина,
И глаз твоих лазурь затенена –
В такую ночь друг другу мы никто...
И тронется попутное авто.
Не знаю горше слова, чем «пора»,
А ехать из Ростова до утра.
И снег слепит – не видно ни черта!
Таможенная застрожит черта.
И выстужен метелью мой уют,
Но розовым отсвечивает брют.

3

Когда тебя караулит комендантский час
И ты, срывая дыхание, спешишь домой,

Молю Всевышнего, чтобы сохранил и спас
Расстрельный город, терзаемый осадной тьмой.
Татьяна, прядка твоя – свечение свечи,
Кольцо Сваровски мерцает... Не сама ли свет?!

Отыскиваешь наощупь в сумочке ключи,
Закрывает двери и открывает интернет.
И вот уже переходишь в заэкраный мир –
Забывшись, не видеть ничего, не знать о тех,
Кому охота превратить в убийственный тир
И город, и полночь, и слово, и сон, и смех.
Напишешь коротко мне в сети: «Переживём...»
А я ищу последнюю сводку о тебе:

Смотрю на карту, испепелённую огнём,
И ненавижу упражняющихся в стрельбе.
Дымится чёрное с белым – взрывы на снегу,
Но в «Одноклассниках» фото выставишь опять:
Оружие у тебя – презрение к врагу,
Твоё сопротивление – выжить, устоять.
Уже никто не сможет заставить быть иной,
Хотя и жилочка проступает на виске,
Когда Валькирия пролетает стороной
И выстрел залповый громыкает вдалеке.
Твои уроки русского – пятый класс, шестой –
Да не прервёт шальная осколочная месь!
Идёшь по городу, ослепляя красотой,
И что бы там ни было, такая ты – как есть.

Было ни холодно ни жарко мне –
Стал просыпаться чуть свет.
Ты адаптированный жаворонок.
Почту открою – да? нет?..
Запад кровавит небо сутками:
Письма с войны – из темна.
Чудишься, птаха, в полусумраке,
Если стою у окна.
Счастье какое ты, несчастье ли,
Знать бы, да знать не хочу:
То, что случилось, пусть случается –
Чиркнет крыло по плечу.
Метка, а может быть, глубокая
Рана, и чтоб – навсегда!
Только посмотришь, волоокая,
Сердце летит в никуда.
Оберегаешься запретами,
И всё равно – не избыл,
Следуя за курсором трепетным
По мановению крыл.
Будешь со мной, не будешь рядом ты,
Правое дело в ином:
Правдами всеми и неправдами
Жаворонок – за окном!

5

Блокадный город с псевдонимом Сталина
Своих не сдаст и не уступит силе:
Пускай стальное имя заменили,
Но сущность непреклонная оставлена.
И знаю, есть в тебе черта упрямая:
Взглянуть на мир с отчаянным прищуром...
А все переговоры на смех курам –
Зияют окна выбитыми рамами.
Оплакать ли, да разве плачи русские
И нам с тобою родственная мова
Облегчат душу?.. Нету слов – ни слова,
Когда мертвеет в небе солнце тусклое!

6

Разгадать захочу
Твой фиалковый сон
И уйду за кордон,
Уподобясь лучу.
Что граница? Ничто,
Коль на раз пересечь!
Да об этом ли речь –
Не задержит никто.
Мы с тобой не вдвоём –
Нас как будто бы нет,
Но фиалковый свет
Бьёт в оконный проём.

И навстречу лучу,
А быть может, и мне
Тень скользнёт по стене,
Как хотел, как хочу...
Тень твоя или сон?
Знать не знаю теперь,
Если столько потерь
С двух родимых сторон.
Адом сделался рай,
Да неужто навек?
Не убий, имярек,
Сам же не умирай!
На окраине сна
И разрывы, и тлен,
И проломами стен
Засквозила весна.
Мой лазоревый склон
Ослезили цветы:
Взор ли бросила ты –
Как фиалковый сон?

7

Так что же это делается,
Какой такой рассвет,
Когда сама – как деревце –
Таишь в себе ответ?

Цветёшь, черешня вешняя –
Цветенью нет конца:
Безгрешная ли, грешная,
А только без кольца...
Недаром раскольцована
И тем вольным-вольна,
И пусть ветра свинцовые,
Война пусть – не война.
Останешься неизвестной –
Правда? да не правда! –
И на закатном знамени
Прочтёшь мои слова.
Законы соловьиные
Вспорхнут из темноты,
А мир сойдётся в имени,
Какое носишь ты.

ВАГОН

Куда он следует – вагон полупустой?
И позади советский путь разобран, дескать,
И машинисту дадена команда: «Стой!»,
Да вот народ в дорогу подобрался дерзкий.
Народ по-своему желает – как всегда,
И машинист лихой – опять же несговорчив.
Давно сошла с пути вагонов череда,
А этот мчит себе и в окнах рожи корчит.
Я в том вагоне, я со всеми и, как все,
Рыдаю и смеюсь, чаи гонять гоняю.
И наплевать, что в придорожной полосе
Косит вослед нечистая очей огнями.
Разобран мост – летит по воздуху вагон:
Не привыкать... Ещё и не такое сможем!
Да только слишком затянулся перегон...
Взгляни сюда и помоги нам, правый Боже!
Мы грешники. Таких на свете больше нет!
И свойство есть у нас – не свойство, а геройство:
Явить себя чудесным образом на свет,
Как будто из равнины русской вдруг горой стать.
Увидеть далеко-далёко грешный мир,
И взор уйдёт туда, откуда нет возврата.
И не черту вести – прерывистый пунктир
Встречаемых огней – за все грехи расплата

БОЛЕВОЙ ПОРОГ

Сибирь колесовали поезда –
Вела их паровозная звезда.

Стонал, стенал столыпинский вагон:
Паду на рельсы – неизбывный стон.

Этапами гоняли русский люд,
А хлад сибирский по-медвежьи лют.

И выдержать его не каждый мог,
Но где у русских болевой порог?

Ты можешь, может он, и я могу
Замёрзнуть и воскреснуть на снегу.

А после встать и превратиться в даль,
Что объясняет русскую печаль.

Кривить звериным криком мёртвый рот,
Но распрямить к обрыву поворот.

И лишь простёртую оплавав мать,
Шагнуть вперёд – и вражью рать ломать

КАЛИТА

Рябь рябин, калин каление...
Что же делать русским, коли так?
Да оставьте Богу Ленина –
Вон за Калитвою Калита!

У него глаза с прищуркою,
Искушённые горят глаза.
И берёзовыми чурками
Топим печь – гремит ведром гроза.

Денежку протянет нищему,
Зря ль с собой таскает калиту.
Дураки, идею ищем мы:
Накормите лучше голоту!

Открывал калитку Каину,
Али я не Авель, брат ему?
Взоры соколами канули,
Чиркнув окоёмную кайму.

Жизни колея неровная,
Разбитная скачет колея.
Если пьём, так пьём на кровные:
С колесницы плесканёт Илья!

Ливнями окатит хладными –
Хорошо сие для головы.
Эх, десантные да ладные!..
Святослав речёт: «Идём на вы!»

За рекой туман и осыпи,
Чёртов бурелом – кощеев путь,
Близь и даль изрыта оспою:
Это всё от пуль дурных, от пуль.

Мама, мама... Знать бы где она!
Умоляю в самый крайний миг
Наваждение, видение:
«Выдь ко мне из песен, выдь из книг!»

И в ответ не куст рябиновый
Мама, мамочка слезу прольёт...
Автоматы с карабинами
Бьют с плеча – без промаха да влёт!

Бьют по мне, по свету белому,
И калина кровью истечёт.
Кто ответит, что я делаю,
Но бросаю пальцы: нечет? чёт?..

А рябины горечь горькая –
Неутешенное горе вдов.
Русь моя, ты – город Горького
И рыданье тяжких поездов!

К непогоде кличут кречеты,
Смаху раскрылаться до креста.
Там – у Калитвы, у реченьки –
Ходит славный княже Калита.

Даже если попадание,
Умирая – разве я умру?
Есть и близкие и дальние
На ветру да на честном миру!

Для меня ты ближе близкого,
Родичает не с тобой ли князь,
Раз продёрнуты мы нискою?
Это смертная, живая связь.

СВЯТО МЕСТО

Загублен храм на том холме,
Куда всходили мы с тобой.
И раны стен, и свет во тьме
Являли зло наперебой.
От капищ траурная гарь,
И не сбылась благая весть,
Но там, где осквернён алтарь,
Не зря гнездо соколье есть!
Птенец топорщится в траве,
Неопалимый куст колюч.
И что нам до инаких вер,
И крест не ко всему ли ключ?!
Ему легко поддастся дверь
На входе в разорённый храм:
Разор ко мне, к себе примерь,
То наш с тобою стыд и срам.
Не пусто свято место здесь —
Гнездо соколье между плит.
И неба золотая взвесь
Меня с тобою окропит.
Забуть ли храм и вид окрест?!
И я вернусь туда, где был,
А путь укажет Божий перст
Распахом соколиных крыл.

ПОЕЗД

Поезд шёл в ночную пору
Расписанию вдогон,
И вольготно было вору
Спящий обирать вагон.
Вор в законе издалёка –
Не улыбка, а оскал,
Чёрный глаз, гортанный клёкот –
Души русские искал.
И, куражась, для почина
Сунул нож проводнику:
Пусть заткнётся дурачина,
Служка жёлтому флажку.
Заградил дорогу тельник –
Только что он мог спяна? –
И скользил по лицам тенью
Тот залётный сатана.
Облапошил молодуху,
Не перечил инвалид...
К моему приникнул уху:
– Что, мужик, душа болит?
А душа и впрямь болела,
Так болела – невтерпёж,
Впору вырваться из тела
Да и броситься под нож.
Душу клятую и битую

Как таскать не надоест?
И ворюга хватать в открытую
Мой нательный медный крест!
Непробудный сон России
Ехал с нами, нами был,
А вокруг леса, трясина,
Мрак и морок, глум, распыл...
Поезд темень рвал, стеная,
И являлась неспроста
Родина как неродная,
Хоть и русские места.
Ирод сгинул. Слава богу,
Не заметил пацана,
Что не вчуже знал дорогу
И очнулся ото сна.
Будь ты проклят, чёртот потрох,
Ведь сошли бы под откос,
Но спасителем стал отрок
С нимбом золотых волос.
Он глядел и ясным взглядом
Успокаивал вагон,
Что проехал рядом с адом,
Оборвав невнятный сон.
Поезд шёл, летел по свету,
Как всему и всем ответ:
Ничего святого нету —
Ничего святее нет...

ЛЕДОХОД

Кто по водам ходит ходом?
Ледолом.
Сдался красным белый холод –
Поделом!

Красно солнце. Ярь. Ярило.
Русь жива!
И не отдаёт Курилы
Мать-Москва.

Уступает сила силе –
Русский ход.
Завсегда в моей России
Прав народ.

Нету – каркают – народа.
Есть народ!
Высока его свобода
От «свобод».

Дайте разинскую волю!
Бью челом,
Чтобы выпал мне на долю –
Льда разлом.

Набирает мощь по рекам
Русский ход.
Быть хочу не имяреком,
Я – народ!

Всяко битый, всеми клятый –
Как никто.
Эй, апрель! Скворец. Глашатай...
Скинь пальто!

Право слово – православный –
Выйди, люд.
Следом за казачьей лавой
Ливни льют.

Родом ветры с Дона, с Волги –
Вскачь – пора:
Не сыскать вольнее воли,
Чем ветра.

Живу быть, а не иначе –
Тем ветрам.
Разве зря крестом означен
Божий храм?

Бьют залётные копыта
Глум теней.
И клеймит суровой пыткой
Мысль о Ней...

Ах, голубка, гули, гули:
Жгут уста
Разгулялись гунны, гулы –
Красота!

Мой ты ветер, здешний ветер,
Налетай!
Я любовь за краем встретил
Криком стай.

Так направим, друг хороший,
Силу вод
Между будущим и прошлым –
Ледоход!

Солнце катится откуда
И куда?
Сгинут волей света, чуда
Крыги льда.

АНГАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ

В. Распутину

Баню растопили по-белому,
Жизнь крутнулась наоборот...
Баба сердобольная беглому
Ставила еду у ворот.

Ох, и веник, розги берёзовые –
Разве нужен мне рай иной?
Споры с мужиками серьёзные
После копанки ледяной.

Пить не пьём, а чинно чаёвничаем,
Может, рядышком дух святой.
Скажут: «Мы живём ничего ещё,
Любим париться, золотой.
Что ж теперь народ искалечился,
Злющий, точно осиный рой?»

...Подорожниковой жалельщицей
Стань, деревня за Ангарой!

Если что-нибудь и осталось
У людей ещё от людей,
Это деревенская жалость –
Устыдись её, лиходей.

ХРАНИТЕЛЬ ЗНАМЕНИ

Была страна, и нет страны –
Сгорела синим пламенем.
Рыдают глупые сыны,
Но есть хранитель знамени!

Когда спускали красный флаг
С крестом серпа и молота,
То ликовал заморский враг,
Что Русь моя расколота.

И гимн звучал, как скорбный блюз,
Вскрывая звуком вены мне.
Так нерушимый наш Союз
Разрушен был в мгновение.

От Владика и до Карпат
Стояло голошение:
Прощай, советский крест – серпа
И молота скрещение!

Пришла народная беда –
Сменили знамя знаменем,
И стал я каменным тогда,
Во мне – другой, незнаемый.

А с красным флагом что и как?
Прости-прощай, империя!
Куда исчез величья знак,
Уже не флаг – материя?

Но встал один из всех – за всех! –
Решительного звания,
Свернул кумач, не глядя вверх...
Таков – хранитель знамени!

Вверху не свет – зиянье тьмы:
Взглянуть – увидеть дьявола,
И потому, не глядя, мы
Сошлись во тьме отъявленной.

Случилось так, да всё не так!
Мы стали неуступчивей:
И если мрак, да сгинет мрак,
Когда просвет меж тучами!

А имярек, до сей поры
Не поступясь державою,
Идёт на бранные пиры –
В края от крови ржавые.

Идёт солдат не солнцу встречь,
А наступает к западу:
От Сталинграда путь на Керчь –
Вершит судьбу внезапную.

Идёт, как древко, прям, упрям,
Обвита грудь полотнищем.
Солдат и здесь, и там, и сям:
Убьют, встаёт – живой ещё.

А ну, прибалты, от винта,
И шла бы, шляхта, далее!..
Где Бранденбургские врата
И где рейхсканцелярия?

Идёт к Берлину – брать готов!
А там – картина жуткая:
Ударил свет прожекторов –
Приказ на штурм от Жукова.

Виднее на свету рейхстаг,
И путь бойца яснее ясного,
И расцветает красный флаг,
И нет прекрасней цвета красного!

РЕШЁТКА

Острые звёзды Кремля
Ранили русского зверя,
И задрожала земля,
Веря Христу и не веря.
Лучше страдать на кресте,
А не поддаться расколу:
Тянется крест к высоте,
Прочее клонится долу!
Я загадаю орла –
Выпадет решка, решётка...
Вохра заломит крыла,
Сплюнет: «Желаешь ещё так?».
Родиной звать не могу
Лобное место для неба:
Кровь запеклась на снегу
После Бориса и Глеба.
Это чужому закат
Вроде бы красные розы –
Мат вопиет, перемат
С ласками лагерной розги.
Эх, без креста – да в Сибирь!
Там ли острожную муку
Вылечит чёрный чифирь
Тягой к сердец перестуку?

КРЕСТИЛЬНАЯ ЩЕПОТЬ

Знать ли вятских лесов глухомань
И вещуньи певучую речь,
Если вновь атаманит Тамань,
Снаряжая паромы на Керчь?

Окрылённая чайками высь,
Угловатого паруса бег...
Вдалеке же глазастая рысь
Испятнает порошистый снег.

Я на юг и на север пойду,
Потому как не ведом предел.
Август крымскую сжёт лебеду –
Жар идёт от касания тел.

Море с морем сошлись... Так и мы...
Жизнь слиянная, жизнь заодно.
Это жизнь по Ремарку взаймы,
Двуединое общее дно.

Шторм выносит к тебе, а не к ней;
И – солёная накипь на мне,
И разбиться бы мог у камней,
Только жизнь и взаймы, и вдвойне.

Здесь подкову свою оброну,
Да не кинусь потерю искать,
Лишь скалистую трону броню –
Самому бы скалою и стать.

Мне уже не сойти с этих мест
До мгновенья последнего вплоть,
И не прост воспаряемый жест,
А крестильную явит щепоть.

ЛЕДЯНОЙ ЦВЕТОК

Железный путь спрямил указкой –
Не юг, не запад, не восток.
И, окропясь водою карской,
Взошёл, как ледяной цветок.

Но вьюга налетела чёртом,
Пророча неживой предел –
Загинули цветы несчётны,
Один лишь я и уцелел!

Приговорён к оцепененью,
Замру, умру... И злей тоски
Меня сова коснётся тенью,
Сорвать пытаюсь лепестки.

Живут другие – как другие,
Цветок из льда во льдах – один.
И мечутся ветра тугие,
Взыскупя столкновенья льдин.

А не случится ледостава...
Так что с того? Да ничего!
Цветка арктическая слава –
Удел цветенья моего.

Гори огнём, гори морозом,
На скулах стянутый простор!
Я мог бы стать – не стал торосом,
Слежу светил небесный хор.

Спасёт не высшее ли чудо,
Когда на свете света нет,
Крещенья карского остуда,
Её заледенелый цвет.

Откуда мне такая сила?
Да я и сам та сила есть,
Что обрекла и возносила,
И разнесла благую весть.

Пускай громадятся торосы –
Им никогда не расцвести!
И стонут якорные тросы
На долгом Северном пути.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Ни крика, ни плача, ни стопа, ни звука,
А их продолжение – тишь, немота.
И даже не воег соседская сука,
Чьих малых детей побросали с моста.
Змеится текучее пламя позёмки,
И сбита я птица летит в буерак.
Душа пропадает, не выдержав ломки:
Я думал – сиянье, а это был мрак.
Последний стакан хлобыстну без остатка
За то, чтобы не окочурился свет!
Длиннее раздумья кирпичная кладка –
Запретная зона: кого только нет...
Я тоже там был, хотя всё-таки не был.
Я знаю такое, что лучше не знать.
И хляби разверзлись, и падало небо,
И время припело, мой друг, умирать.
Куда ни посмотришь – глаза б не глядели:
Слезится до рези фонарь на ветру.
Дойду к неуступчивой той цитадели
И там на сей раз, может быть, не соврзу.
А что остаётся, когда не осталось
Уже ничего, что хотел и просил...
Откуда теперь на груди моей впалость,
Где билось и выбилось сердце из сил?

АПОСТОЛ

Иду по белу свету,
А темень предо мной.
Другой юдоли нету,
Чем крестный путь земной.
Глумливая дорога,
Лихие времена.
Вескресе тело Бога
Из хлеба да вина.
Языческая темень —
Души ли наволочь?
Я был и буду с теми,
Кому от мук невмочь.
Иду по белу свету,
Звериный ветер лют:
Нигде покоя нету,
Пока страдает люд,
Ломая с горя руки
Не по своей вине...
Я знаю эти муки,
Они сошлись во мне.
Молитвой сирых стану,
Спасу их на костре.
Открою Божью тайну
И брату и сестре.

ЧЁРНЫЕ ИЗБЫ

Между чёрных порушенных изб
Что за птица летает и плачет?
Вверх метнётся и падает вниз,
И заросшей тропы не означает.

Знак летучий, как мета креста —
И стою, и немею у горя,
И рябиновой раной Христа
Кровенеет Голгофа угора.

Птица-крест — не судьба ли моя,
Что за мною повсюду летела?
И на свет выползает змея,
И не чувствую более тела.

Я вернуться бы мог, да не смог —
Ни людей, ни подковы на счастье;
А змея обвивает порог,
И толкается кровь на запястье.

И всё то, что со мной — не теперь,
Но случилось уже и случится...
И не ветром откинута дверь,
И рябина ли кровью сочится.

Сгнил порог – не взойти на него,
Развалились трухлявые плахи.
Сгинь, змея не от мира сего!
Упокоился мир сей во прахе.

Некто ходит по свету, и здесь
Процветут заполошные дали,
Чтоб распятого заново днесь,
Покаянно крестясь, увидали.

КАЗАЧИЙ ПОМИН

М. А. Шолохову

Плыл по Дону красный закат:
Был казак – и нет казака.
Принесут домой это «нет»,
Как зарубленный белый свет.
Станет жёнка волосы рвать
На краю могильного рва.
Хоронить не хватит раки –
Кто живой, так и он убит.
Родина моя без небес...
Ходит в чёрной кожанке бес,
Носит маузер в кобуре
И взрывает храм на бугре.
Очи мёртвые у реки
Скроют лунные пятаки.
Прокричит мне ветер степной,
Чтобы по стране стороной
Я ходил, вроде не казак...
Всё бы так, да совсем не так!
Конь ты мой, аллюр три креста,
Поминальной чарки верста.
Горевать и про горе спеть,
Где кровотокающая степь
Вынимает душу весной, –
Только родины нет иной!

СТАЛИНСКИЙ УДАР

Врага сметая сталинским ударом,
Мы шли и проходили мёртвый сон.
Земля пылала мировым пожаром,
Была Антанта с четырёх сторон.
Мы шли на Запад – шли по Украине.
Вперёд, вперёд!.. Срывалась песня с губ.
Снарядом башни танковые клинило,
И в Троцкого вонзался ледоруб.
А может быть, стальная эскадрилья
Летит на юг и после – на восток?
И звёздами покачивают крылья,
И вождь по справедливости жесток.
«Катюшами» зовутся не Катюши,
Когда взойдут на берег на крутой
И залпами спасают наши души;
Святее нету веры – веры той,
Чьим красным знаменем бойцы готовы
Юдоль земную осчастливить вмиг –
Была б команда... Роты стоголовы –
Шагают мальчики из честных книг!
Победа им не достаётся даром,
Но оттого они лишь злей и злей...
Враги разбиты сталинским ударом,
Прими штандарты вражьи, Мавзолей!

ШТЫК

Четыре грани – русский штык:
И меркнет свет на сломе лет,
И времена смыкает встык
Цветок георгиевских лент.

Железо пролежит в земле –
Сжигает ржа, да не сожжёт!
И штык в единственном числе –
Живым живой – и тем живёт.

Мерцает, словно бы свеча,
Гранёным хладом остриё...
Приклад ли снова у плеча –
Отдача бьёт в плечо моё!

Винтовка русская, вперёд!
И передёрнутый затвор
Смещает временной черёд –
Атака захлестнёт простор.

Под Кёнигсбергом, как отец,
Хриплю победное: «Ура!»
Всему конец – не мой конец,
Атаки штыковой пора.

И я с траншеей той знаком,
Где немец батю убивал,
Но друг поспел, и друг штыком
Сразил пришельца наповал.

Я ратной правды не лишён:
Стихает канонады рык,
И враг, откуда б ни пришёл,
На то и враг – узнает штык!

НОЧНОЙ СОЛДАТ

*Памяти маминого брата
Василия Щербакова*

Стопы железный гул –
Георгий впереди...
И дверь солдат рванул,
Сказал мне: «Выходи!»
Я вышел на крыльцо,
Как будто бы прозрев.
Солдатское лицо –
Страдание и гнев.
Откуда ты, солдат,
Откуда и куда?..
Мучительно молчат
И ветер и звезда.
Горячая трава
Задумалась о нём,
Как мать и вдова,
Когда позвал: «Идём...»
К израненным годам
Позвал солдат меня,
Откуда вышел сам,
Как пепел из огня.
«Идём!» – аюкал лес,
И дыбилась вода,
И на висках небес
Дрожали провода.

«Идём! — позвал во тьму. —
Твоя судьба во мне.
Я прихожу к тому,
Кто не был на войне.
И в горе и в беду
Распахиваю дверь
Живых — на смерть — веду,
И твой черёд теперь».
Приказных слов набат
Оплакала гроза,
Когда велел солдат
Смотреть во все глаза.
За ним с крыльца шагнул,
И шаг стовёрстным был,
И надвигался гул,
Как будто фронт на тыл.

В запасе чёрный хлеб
И для себя патрон.
Дорогою судеб
Идём... Уводит он.
Давным-давно в бою
Убитый наповал,
Презрел он смерть свою,
Из праха он восстал.
Погибель отвратив —
Зияй, могильный дом! —
Он трижды разом жив:

Сейчас, вчера, потом.
Его Василий звать,
И Фёдор, и Иван...
За всех погибших встать –
Солдату дан талан.
Меня он уводил,
Смещались времена.
Его я жизнью жил,
А в жизни той – война.

Мы с ним, сквозь сон и явь,
В такую даль идём,
Где воды Леты вплавь
Пересечём вдвоём.
Хочу изведать я
Всё то, что он узнал:
И краткость бытия,
И темноты провал.
Опять в июньский срок
Ударит смрадный гром,
И Запад на Восток
Рванётся напролом.
И станет вмиг страна
Большим Бородино:
И жизнь, и смерть одна,
Бессмертие одно!
...Идём сквозь жар и хлад,
Идём к передовой.

Ведёт ночной солдат –
И мёртвый, как живой.

Суров окопный быт –
Атаковый бросок.
Мне душу опалит
Наркомовской глоток.
Сигнал ракет: «Пора».
И – примыкаю штык!..
В солдатское ура
Вплетается мой крик.
Вперёд! В последний бой,
Под огневой накат
Уводит за собой,
Ведёт меня солдат.
Глотаю чёрный дым,
А на плечах – гроза,
И горем не чужым
Полны мои глаза.
Где я? Что я? Война
Даёт на всё ответ:
Защита мне одна –
Сукна защитный цвет.
Огонь горит в огне,
Корёжится металл...
Я не был на войне,
Но я войну узнал.
Постигнул глубину

Страданий, бед лихих –
Прошедшие войну
Не говорят о них.
Земную твердь креня,
Бьют молнии внахлѣст...
Но правота меня
Поднимет в полный рост.
И что разверстый ад –
Я выстою в аду!
Ведѣт ночной солдат.
Иду за ним. Иду.
Где корчилась земля,
Как человек от мук,
О милости моля,
Воздев деревья рук,
Там неумолчный стон
Рождала немота,
И с четырёх сторон
Густела темнота.
Земли святую пядь –
Умри – не отдавай!
Но рвѣтся враг опять.
И вот – последний край...
Гремучий катит вал –
По мне, во мне самом.
Сто раз я умирал
И оживал потом.

...Весь белый свет застлал
Изломный чёрный знак,
И танковый оскал
Пророчит стынь и мрак.
«Солдат, я не могу!..
Всего страшнее мне,
Что уступлю врагу,
Его чудовищной броне».
Прут танки по степи,
И взят я на прицел...
«Терпи, браток, терпи,
Я это сам терпел».
Закрыла солнце тень,
Возмездье – правый бой!
Вот это судный день,
А вовсе не другой.
Умри – нельзя назад!
За Родину свою
Со связкою гранат
Солдат ли, я встаю...
Враги в моих краях,
А их никто не звал.
И ненависть, не страх –
В гранатах, как запал!
Всё ближе злой напор,
Безжалостная рать...
Иду наперекор,

Чтоб смертью смерть поправить.
И всё. И тишина
Ударом обожжёт...
Проклятая война!
...Солдат меня ведёт.

Дорога до села,
Где материнский дом,
Легка и тяжела:
Солдатом я вedom.
В окне огонь горит,
Как будто ждёт кого.
Солдат поник, стоит –
И слёзы у него.
Под сердцем засквозит
Сыновняя печаль:
Не жалко, что убит,
А мать-старуху жаль.
Она бессонно ждёт
И будет сына ждать
В надежде, что придёт
Глаза ей закрывать.
О чём огонь скорбит?
О чём рыдает мать?
В земле свинец лежит
И сыну там лежать.
Но материнский свет
Хранит, как свет лампад,

Кого на свете нет,
Тебя хранит, солдат.

Ведёт меня солдат,
Ведёт своим путём.
Ведёт, как старший брат;
Куда теперь идём?
Всё дальше, дальше мы,
И не измерить путь,
Где непроглядность тьмы –
Тревожных мыслей суть.
Но замер вдруг солдат,
И замерли года.
И птицы не кружат...
«Я вёл тебя сюда!»
До неба встал курган:
Его сложил из бед
Смертельный ураган
На сотни сотен лет.
«Запоминай! Смотри!..»
И стала мне видна
В кургане том, внутри,
Убитая война.
Сюда ветра снесли
И скорбь суровых дней,
И боль родной земли,
И горести людей.
Вне измерений всех,

Вне принятых времён –
Угадывал я тех,
Кто пал, кто не рождён...
Я видел, как мелькнул
За чередой солдат
И мне рукой махнул
Погибший мамин брат.
Курган со всех сторон
Вовек не обойти.
Наружу рвался стон –
И горше не найти...

Прощай, ночной солдат!
Пора. Уже пора
В обратный путь, назад –
В сегодня из вчера.
Солдат – России сын,
В её сынах пребудь.
...Я возвращусь один –
Он свой продолжит путь.
И в завтра, как вперёд,
Ему идти опять.
Кому теперь черёд
За Родину стоять?
И свет в окне, и бой,
И горестный курган
Не утаит собой
Забвения туман.

Орда фашистских сил
Растаптывала век,
Но встал – и победил
Солдат, не имярек.
Как время, вечен сам,
Он всюду и всегда:
Кружит по небесам
Уставная звезда.
Святой солдатский прах
Тобою стал, земля,
На смертных рубежах
И у стены Кремля.
...Вернусь к себе домой
В рассветной полумгле.
Солдат, товарищ мой,
Проходит по земле.
Идёт, как часовой,
А с ним огонь, броня,
И ответ фронтовой
Ложится на меня.
Идёт солдат, идёт
Во сне и наяву.
Мою он жизнь живёт,
Его я жизнь живу.

РОДОВА

Смотрит лес на меня с недоверьем,
И теряется здесь интернет.
Я приехал к отцовской деревне,
А деревни, как не было, нет.

Староверческий крест на погосте
Протянул ко мне руки с мольбой.
Я приехал на родину в гости
И казнюсь непутёвой судьбой.

Где я был? что я делал?.. Не важно.
Ничего не вернуть, не простить.
Мне бы только за птахой отважно
Продлевать соловьиную нить!

Чередую стоит родова ли,
Дерева ли растут предо мной?
Здесь издревле деда бедовали
И не ведали доли иной.

Я родился и жил по-другому,
Но раскол мою душу саднит,
И, крестясь колокольному грому,
Поминаю родительский скит.

Мне уже не уехать отсюда,
Где в живых никого... Никого!
И зверьё не чурается люда,
И не знает угла своего.

Дотлевают закатные угли,
И стоит в горле горестный ком.
Что мне яндекс и что мне тот гугол,
Если травы плетутся венком?

БАБЬЯ ТРАВА

Однажды задумаю ветер... И он
Обнимет колен полнолуныя на склоне,
И бабьей травой сладим полусон,
И вынесут кони!.. Цыганские кони.

На Млечной дороге не знать колеи.
Да мне ли страшиться крутого обрыва?!
Запрячется ворон, доселе криклив, –
То выстрелил кнут, и рассыпалась грива...

Тебя укрываю, прижалась ко мне,
И часто колотится сердце двойное:
Недаром я выбрал хороших коней,
Хотя и позариться мог на иное!..

Да нет же – иного, другой не искал!
И скачем с тобой, отрываясь от горя,
И мёрзлыми скулами северных скал
Аукнутся камни у южного моря.

Окажемся там, где никто никому
Не должен и счастлив поэтому только,
И ветер цыганского плата кайму
Истреплет по ходу, и рвётся, где тонко...

Достанется огненный пёстрый лоскут,
Быть может, и мне, а тебе так уж точно.
Отпущенный конь без поводьев и пут
Подругу отыщет у речки проточной.

А мы же, такие счастливые мы,
Вернёмся туда, где степные законы
Цветут, дотлевают в объятиях тьмы,
И каждый курень не живёт без иконы.

Назавтра другие пойдут к алтарю,
Чему обзавидуясь, ветер на срыве
Метнётся туда, где лелеять зарю
И мчать стригунком, что мечтает о гриве.

НИКОЛА

Восседает возле мусорного бака
Бомж Никола на разбитом стульчаке
И читает Блока... А у ног собака
Слушает стихи, витая вдалеке.

Хорошо как!.. Солнце – пиво разливное:
Всем его хватает – зенки заливай...
Только белый день решёткой разлинован,
Да поодаль катит, дёргаясь, трамвай.

Жизнь вольготная – такая-растакая!
И ещё не вся... А всю – узнает кто?..
И серебряного Блока изрекая,
Бомж Никола распахнул своё пальто.

Никаких медалей нету у Николы –
Даже пропил материнский крест давно.
До чего же голы русские соколы,
Если есть в ларьках молдавское вино!

Собирает банки из-под пива, колы,
Христарадничает – и жива душа...
Люди добрые, не те ли мы Николы:
Душу пропил, за душою – ни гроша?

Возвышается над всеми храм Николы,
И внутри угодник золотом горит.
А расколы... Снова русские расколы!
И об этом Блок с Николой говорит.

Горько смотрит Блок – такая, братцы, штука –
На окрестную муру и похабень.
Блоковские строки понимает сука,
Пусть и голодает псина каждый день.

ГОСТИ

Каблуками оттиснув луны
На твоём ледяном крыльце,
Мы – натянутые, как струны,
И с решимостью на лице –
Мы с товарищем да вдвоём
Заходили в нагретый дом,
Тайно думая о своём.

Куролесили, оба юны,
Каждый в жизни всего хотел.
И гудели и пели струны
Нерастраченной силой тел.
Шли по дурости, не со зла...
Рассадила вблизи тепла
И по-женски умней была.

Мы любили тебя, как любят
В первый раз и в последний раз.
Губы эти кого пригубят,
Выбираешь кого на глаз?
А другой – он и есть другой,
Чтобы сердце зажать рукой –
И лицо остудить пургой.

«Выбирай!» И в ответ сказала:
«Если так, пусть и будет так.
Я хочу, чтоб судьба решала».
И метнула для нас пятак.
Эта шутка всерьёз была:
Друг – на решку, я – на орла!..
Но монета не так легла.

Полетела ребром монета
Прямо в щёлочку на полу!..
Отрезвила случайность эта,
Обернула спиной к теплу.
Не упавший плашмя пятак –
Что за диво? Такой пустяк!
Только наш разговор иссяк...

Каблуками сбивая луны
На твоём ледяном крыльце,
Мы – расстроенные, как струны,
С отрешённостью на лице –
Мы с товарищем да вдвоём
Покидали нагретый дом
И не думали о своём.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Этот ангел-хранитель всегда и повсюду
У плеча твоего, и не знает никто.
Службу тайную ты не сочти за причуду:
Душу он запродаст, лишь подать бы пальто,
Чтобы к шее открытой припасть изумлённо
И слезами обжечь – не увидишь тех слёз;
От тебя ни на шаг, окликает: «Гулёна!» –
И целует ауканьем возле берёз;
И в троллейбусе том, что набит до отказа,
Прикрывает собой от нахрапистых тел;
Он хранит – и не бойся вороньего сглаза;
Ты его не жалей, только так и хотел;
Сколь ни есть у тебя ухажёров и татей,
С ним столкнутся, а он – и огонь, и металл,
Виноватится после, и нет виноватей,
Будь иначе, навряд ли бы ангелом стал.
А наступит черёмуховое удушье,
Рядом ангел – последний на грешной земле.
И ненужной окажется больше подушка –
Засыпаешь к утру на измятом крыле

ПО ВОДУ

Зима. Живёшь невядалеке.
И к ледяной свече колонки
Выскакиваешь налегке,
Мороза голые коленки –
С несчастьем цинковым в руке.

А я встречаю всё равно!..
Не убоюсь разлада, ада...
Грози, замужнее окно.
Судачь, соседкина ограда.
Да будет то, что быть должно!

«Тебе помочь?.. Ведро мне дай».
Секрет нехитрого участия
По-женски сразу отгадай,
Когда воды, как будто счастья,
Я наберу по самый край.

Зима. Я сам себе судья.
Хотя и разгулялся холод,
Но между нами полынья.
А по воду – безумный повод
Вообразить, что ты ничья...

ДЕРЕВО НА КАМНЕ

I

Потряс теснину камнепад
На третий год войны,
И громче дальних канонад
Гремели валуны.
Они в беспамятном бреду
Летели до земли
И тем пророчили беду...
А что ещё могли?
Теснина, будто бы тюрьма,
Пожизненный арест.
Окаменелые грома
Разбросаны окрест.
Но докатился до реки
Один валун с высот.
Всему, что было, вопреки –
Живучий камень тот.
На камне дерево растёт –
Не знают: почему?
Ветвей диковинный разлёт
Упёрся в полутьму.
Переплётения корней
И каменная твердь

Сроднились так, что нет роднѣй,
Да и не будет впредь.

II

Тень стекала по ущелью,
Я невесть куда забрѣл.
Надо мною, как над целью,
Раскрывал себя орѣл.
Птица, может быть, хотела,
Чтобы горнее постиг
И от собственного тела
Отделился хоть на миг.

III

Кучевые горы наугад
Плыли над горами,
И гремел в теснине водопад,
Как орган во храме.
Словно труб хоральные ряды –
Желоба из камня.
Музыку наклонную воды
Зачерпну руками.
Пусть её звучание во мне
Станет звуком тоже,
Чтобы он услышан был извне –
Раньше или позже.

ЖЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Я ходил по-над Леной... Ко мне
Долетал то ли плач, то ли стон.
Женский лагерь на той стороне
Жив и после своих похорон.

Там прикручена скорбью к столбу
Горевая с шипами струна:
Репрессированную судьбу –
Знать бы, чью! – отвечает она.

Неизвестную эту сестру
Пожалеть захочу... А вот как?
Вздрагнет проволока на ветру –
Вторит ей, рассыхаясь, барак.

Старый лагерный звук не зачах
И явился по душу мою.
При жарках, как зажжённых свечах,
Поминания час отстою.

Будто вынесли мне приговор:
Жить, как прежде, уже не смогу,
Если в лагере том до сих пор
Кто-то есть – на траве, на снегу...

AZИМУТ

Я родился в Авдеевке,
А крещён был в Успенке.
Сколь разора содеяно –
За такое бы к стенке!
Изуверствуют ироды,
Тянет горечью гари.
Плачьте, Киев и Миргород,
Мариуполь и Харьков...
У, треклятое каинство –
Стал вражиною зёма!
Окоём размыкается
Трауром чернозёма.
Хата ридная, мазанка –
Не редут ли внезапный?
Танки выбрали азимут
И уходят на запад.
Гул услышу авдеевский
На успенской таможне.
Родову как и где искать,
Если Бог не поможет?
Предана, перепродана,
По частям раскроима:
Нет двух родин – есть Родина,
Русь моя с Украиной!

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Я любил капитанскую дочку,
Как потом никого не любил,
Но приставил блатную заточку
Прямо к сердцу фиксатый дебил.
– Танька будет моей, журналюга,
Брось её, а не то попишу!..
«Фиг тебе!» – и скользила фелюга
К золотому, как сон, камышу.
Потому что пред этим из тела
Я рванулся, прижатый к стене,
И ответка врагу прилетела –
Первым бью, если лезут ко мне!
Дочь одна у того капитана,
Чья посуда стояла в порту:
Ах, Татьяна, ах, Тата, ах, Тана –
Всякий зарился на красоту!
Как отец ни лелеял Татьяну,
Только жить не могла без меня,
И ему не доверила тайну,
И пропала средь белого дня...
Я за Дон перевёз по охоте
Капитанскую дочку тайком.
Заливал о газетной работе
И венчал васильковым венком.
Ветер спал. Мы всю ночь не уснули –

Рай был с милой моей в шалаше.
А под утро нам горлицы-гули
Ворковали о брэнной душе.
Оказалась душа одинока
И тоскует о близком, родном,
И воззрилось небесное око,
И подумали мы об одном:
Становилась теперь испытаньем
Жизнь для нас, если так сведены.
Не боялась отца-капитана,
Не боялся азовской шпаны!
Городок за стеной крепостною
Приютить и любить был готов,
А река размывала волною
Рифмы парные наших следов.
Ах, Татьяна! – коснуться ли стана?!
И тоскую один об одном...
И Азов – по-старинному Тана –
Отзывается в имени том.

СОЛОВЬИ

Мы с тобой оба два соловьи сумасшедшие.
Я тебя не предаю, не продаю по рублю –
До последнего буду хрипеть, что люблю,
Если даже разлуки силок сдавит шею мне.

А во мраке почудятся выступления здания,
Где неясные тени колеблет сквозняк,
Где пускают по кругу и пьют депресняк...
Только б свидеться нам и сказать: «До свидания!»

Ты болела – крестила решётка ажурная –
Ты сходила с ума и едва не сошла,
Ты искала, сыскать не сумела тепла...
У палаты не вьюга ли в белом дежурила?

Или кто-то другой, что не ведает промаха,
Если в обморок вешний упали ветра,
И почти не колышется лодка с утра,
И уже задохнулась цветеньем черёмуха.

Селигерское низкое небо увидеть бы,
На смартфоне молчанье твоё перечесать...
Как мне сладко испытывать женскую месть;
Если стоит на свете кому и завидовать,

Так пустое – кривиться нет смысла усмешкою
И завидовать боле не станется сил,
И прощенья прошу, как ещё не просил,
И решиться бы мог, да постыдно всё мешкаю...

Разве можем не петь – соловьи несусветные?
Любим так, что уже ненавидим теперь!
Лишь бы поезд упрямо отыскивал Тверь,
Лишь бы губы твои размыкались ответно мне...

Ну а Волга, совсем на себя не похожая,
Истекает речушкой, меня захватив,
И звучат неумолчно для нас, как мотив,
Плёса гладь и церквушка белёно пригожая.

БАБОЧКА СЕРДЦА

Витала бабочка над нами,
А мы с тобою – взор во взор,
Но твоего глазного дна мне
Достать нельзя наперекор
Сиреням вокруг – до помраченья,
До отторжения любви...
Объята страхом – страх леченья.
Зовёшь меня... Всегда зови!
Томимся в клинике с тобою,
И рву мольбой на части грудь:
«Господь, спаси от боли болью,
Храни её – меня забудь!»
И вслед тебе по коридору
Другая бабочка мелькнёт –
Сама невидимая взору,
Верша спасительный полёт.
Она проследует в палату,
Куда заказаны пути.
Лети к рассвету, не к закату,
Лети же, бабочка, лети!
И скорой помощи сирены
Кричат захлёб и без конца,
Но под наркозом пусть сирени
Коснутся милого лица;

Тебя спасут и мановенье
Прозрачных двуетидных крыл,
И бликов по челу скольжение,
Как будто близкий близко был...
Когда же выйдешь – никакая,
То бабочка прервет витьё
И сядет, крыл не размыкая.
Не сердце это ли моё?

РУСЬ

Крикнет курица петухом,
И завоюет псина с волками.
Что за жизнь при царе плохом –
Тянут люд на дыбу волоком?

Укрепи, Господь, и спаси!..
Вздёрнут к небесам, не цацкаясь.
Было, есть на святой Руси –
Слово, дело, воля царская.

Отлетит без вины душа –
Праздничек у Ваньки Каина,
Во хмелю его кореша.
Душегубы! Им – икается.

А хороший царь... Где тот царь,
Если трон облеплен пройдами?
С плахи валится на алтарь
Обезглавленная родина.

Мученический свет в очах,
Руки за спиною скручены,
И рябины кровоточат,
И ручьи гремят горючие.

Государь на Москве сидит,
Вороны жируют стаями.
Русь укроется в чёрный скит
И листает книги старые.

Про вчера – ан про завтра там
Откровенья мне говорены:
Жил по двум – жить по трём перстам,
А не то спознаться с ворами,

Чтоб свистал лихоман-кистень,
Рыскали вдогон глашатаи...
На лице Государя тень –
Свист разбойный трон пошатывают.

Я не ведаю что творю.
Русский – стало быть, юродивый.
...Панихидная по царю,
Панихидная по родине.

СКИФСКИЙ КВАДРАТ

Целую крест, и мне сам чёрт не брат!
А золотое солнце ходит кругом,
Рифмуя русский север с русским югом...
Строфа моя – не скифский ли квадрат?
Его среди простора начертал –
И что границы, что размежевание,
Когда глухое раздаётся ржанье,
Свистит в ответ заржавленный металл!
Решай по совести, степной майдан –
И подчинюсь тому решению круга.
Лишь, друг, со мною будь, да ты, подруга:
На все про все один талан мне дан!
У скифского квадрата моего
Немало званых, избранных – не густо.
Я вроде рад, на самом деле – грустно:
Иначе представлялось... Ничего!
Моя любовь, что больше, чем любовь,
Угадываться хочет, вея дымкой,
И губы ягодою горькой, дикой
Дарует мне – и принимаю боль.
Окажется, что у Господних врат
Архангелы, отринув буквы, числа
И высшего преисполняясь смысла,
Начертят скифский правильный квадрат.

БОГАТЯНОВКА

Над Богатыновкой синеет небо в клеточку,
И наступает день тюремных передач.
Ах, мама, передай сиреневую веточку,
Лишь о сыночке непутёвом ты не плачь.

Пускай – собачий лай, пускай охранник кривится –
Сирени лепестки на счастье я вдохну...
И может, на свободу выйти посчастливится
И повстречать свою ростовскую весну!

Закроется моя тюрьма на Богатыновской,
И вновь откроется пивная, что была,
И срок, наверное, придёт пред Богом каяться.
Пока ж гуляй, сирень-весна!.. И все дела!

Под снегом и дождём стоит живая очередь,
Растянутая на разлуку долгих лет:
Увидеть мамочку свою охота очень мне,
А мамы нет... Её на белом свете нет.

Стена тюремная... Стена не плача ль русского?
Век воли не видать – решётки на стране...
И оттого народ – как зэк с глазами грустными,
И плачет автозак не только обо мне.

ИЗБА-КНЯГИНЯ

Ясный сокол, мы с тобой не сгинем,
Оглядимся в стороне лесной.
Деревенская изба-княгиня
Встала честь по чести предо мной.

А вокруг затопленные травы,
Здесь идти – не выйти никуда.
У кикиморы напьюсь отравы,
Следом – обрыдается вода.

Месяц на земле идёт на убыль,
Месяц в небе народился вновь.
Я серебряный бросаю рубль –
Ставлю на возвратную любовь!

Ну, а проиграюсь подчистую,
Нет вины, случилось так само.
Всё одно – объятъем арестую,
Выжгу поцелуйное клеймо!

Ты зазря коришь, деревня Княже,
Аль меня забыла, али груб?!
Петухи твои из третьей стражи
Пусть кричат – не оторвут от губ!

Завлекла изба сосновым телом,
Источая берендеев дух.
Стану невообразимо смелым
И заветное высказываю вслух.

Залетел далёко сокол ясный:
Краше нет окрестной красоты,
И приманивают платьем красным
Две рябины – деревце и ты.

Осень сыпанёт на плечи охрой,
Ставни изумлённые всплеснут.
Под твоей ногой крылечко охнет,
Я вослед войду, останусь тут.

РЫСЬ

Я знаю, в том лесу гуляет рысь,
Большая кошка, вольное создание.
И смотрит рыжая подолгу ввысь,
А звёздное таится мирозданье.

Она, похоже, только с виду зверь:
Исторгнет не рычание – рыданье;
Остерегала глушь – такой не верь!
Но к ней иду... Себе ли в назиданье?

Я прежде жил, как жить уже не след,
Я многого хотел, а надо – меньше...
И разбирал чужой печатный бред,
И не любил порой любимых женщин.

Я стал иным, коль предстаёшь иной,
И говорю, и мыслю по-другому.
Ах, как же славно в стороне лесной
Найти приют, прислушиваясь к грому!

Несёшь ведро колодезной воды,
Желаемой в мгновение ока став мне:
Тому ль причиной на траве следы
И то, как стукнет пятистенок ставнем?

Доносится надсадный сосен стон.
Тебе я – кто? и ты мне – кто? Никто мы!
И холодит черёмуховый сон,
И потянулась ты по-рысьи томно...

О чём молчишь, о чём лепечешь ты,
И до меня тебе какое дело?
Что ни на есть, все помыслы чисты!
И жжёт рыжинками веснушек тело...

Чуть свет ступаешь тихо по избе,
Большая кошка, вольное создание.
И я умру от нежности к тебе,
О рысь! – моя утрата, обладанье.

ПОГЛЯД

Мужиков на деревне чёрт-ма!
Я вдове помогу да и грех не помочь,
А для чувства – и плен, и тюрьма –
Одинокие сны, одинокая ночь.

Дров поленницу перекидал –
И хозяйка домой зазвала на беду,
И я сделался весел, удал,
И за нею пошёл... И доныне иду!

Я глаза не успел отвести
И увидел, как всходит она на порог.
Вот бы мне у такой быть в чести!
И молчал, и не чувствовал ног...

За погляд – смертью храбрых погиб:
Ни к чему белый свет, где так много людей,
Коль прельстительный тела изгиб
Огорошил меня – все глаза проглядел!

«Сударь мой...» – говорила она
И сажала к столу, а я глаз не сводил,
Ведь стояла напротив окна –
Вся была на просвет... И с ума я сходил!

Усмехнулась в ответ на семь бед:
Соловьём заливался, желая увлечь...
Ну а прочее мелочь и бред –
Знать бы полымя губ и податливость плеч!

Я готов был заради такой
Непутёвую жизнь переделать всерьёз,
Расквитаться с кручиной-тоской,
И любить, и страдать до отчаянных слёз.

Что со мной сотворила она,
Я бы, может, сказал, да не ведаю сам!
И светилась во тьме белизна,
Лунный гребень прошёл по её волосам.

Провожала меня поутру –
Мы сходили вдвоём по ступенькам с небес,
И я знал: никогда не умру,
Как дорога и поле, как ветер и лес.

ВЕДЬМАЧКА

Тебя молил: побойся Бога –
Откуда дёготь слов берётся?
Ведьмачье дерево – берёза
Растёт у самого порога.
Дурная скажется примета:
Избе не знать покоя, лада –
Берёза, как исчадь ада,
Живых сживает с бела света.

На небесах вершились браки,
Но здесь берёза – горький рок нам! –
Хлестала ветками по окнам,
Когда светилась ты во мраке;
Дивясь тебе, не прятал взора,
И ты была всё ближе, ближе...
И слух развеялся – облыжен,
И покотился гром с угора.

Под парусами туч, как мачта –
Ужель завидовала жгуче? –
Коль хуже нам, берёзе лучше,
И порчу навела, ведьмачка!
Берёзовый надлом не соком
Сочился – очернялся варом
И нас толкал к раздору, к сварам...
Тебя коснулся – било током;

Во злобе содрогалась крона,
Стенала выпь за мокрым лугом,
И я взглянул на красный угол,
И с места сдвинулась икона –
Проём оконный заслонила,
И сгнула берёза разом,
И разум не зашёл за разум,
И крестная воспряла сила.

Клубком дорог легла усталость.
Искал твоих колен излуки,
Ветвились для объятий руки –
Назло берёзе мы срастались
И были деревом-любовью.
...А ныне, уподобясь чуду,
Стоит в глазах то дерево – повсюду,
Как только переполнюсь болью.

ДАЛЬ

Свои пятилетние планы
Уже осмеяла страна –
Пьяны тем столицы и пьяны,
Одна только даль не пьяна.

Кочует любовь молодая,
Коль старые стены тесны,
И стелет простынку Валдая
С подветренной злой стороны.

Приятель к жеманному югу
Ударную выправит даль,
Сманив наудачу подругу
Рассказом про сладкий миндаль.

Разлука срывает стоп-краны,
Бросается на полотно,
И нет ослепительней раны,
Чем рваного солнца пятно.

Трефовые ставят кресты нам,
Рязанская морось горчит...
Но что за путеец настырный
Стучит по железу, стучит?

Владимир, звонарь заполошный,
Сзывает на праведный бой,
И жёлтая кофта, как плошка,
Маячит, влечёт за собой.

Сегодня махнём до Усть-Кута,
А завтра – туда – в никуда...
Ты певчее горло укутай –
Сибирские жгут холода!

Клубы паровозного пара
Плывут из отъявленной тьмы.
С тобою, как рельсы на пару,
В снегах затеряемся мы,

Где жёлтая кофта, как роба,
Дорогу торит наугад,
И сталью становится Коба,
И враг не возьмёт Сталинград!

АРМАГЕДДОН

Сошлись при Армагеддоне и бьются
бесстрашно миры:

Отходим, товарищ, с тобою, отходим пока...

Выносишь ты из окружения знамя полка,

Бинтуя полотнищем грудь...

Ты знаменем стал – до поры!

Вторая Великая... Где же наше Отечество, где?

Отцы поднимаются – в марше идут гробовом,

Славянка помашет и слёз не сотрёт рукавом...

Назад не смотри – мы останемся на убитой звезде.

А что же теперь? Ничего! Геенна разверзлась у ног,

И ось надломилась и вышла наружу крестом.

Так скажем о Родине – что говорить о пустом! –

Товарищ мой верный, и длань свою

простирает к нам Бог.

О, Господи, силы нам дай остаться, кем были вчера,

Когда не предали ни братских могил и ни строк,

И если вдруг Западом наш обернётся Восток,

То двинется вслед за пророком к Западу эта гора.

Наступит геройства черёд, и знамя своёразвернём...

Эй, братья-славяне, вперёд – полковая братва!

И тотчас на фрица пойдут в штыковую слова:

И взвееется сумеречь, и огонь поглотится огнём.

Никто – ни бог, ни царь такой-сякой –
На русские вопросы не ответит,
Пока нам солнце аховое светит
И тучи ходят хмуро над рекой.

Спросить героя?.. Но сменился строй –
Героем не становится любой;
Последний бог и царь: кому – рябой,
Кому – последний, может быть, герой.

Мы – русские, и больше ничего.
Разделят нас на две неравных части:
Одним сибирское привалит счастье,
Другим – Европа... Только и всего!

Ты этого хотел, Иван-дурак?
Ужель про «больше ничего» не слышал?
Чего же ты с котомкой в поле вышел
И стал?.. Зачем стоишь? – «А просто так!»

ИЗОЛЯЦИЯ ЛЮБВИ

Мёртвый город лучше города мёртвых,
Жить и выживать – подобно искусству:
Марлевой повязкой твой лик замотан,
Предаёмся виртуальному чувству.

Светлые ангелы не оставляют
Наши многострадальные приделы,
То ли они, то ли вьюги летают –
Потому и твои снега белым-белы.

Мы встречаемся, не видясь, не знаясь,
Схимники, отшельники, одиночки!
Нам на зависть распускается завязь,
Только следуем от «точки» до «точки».

Кто за нас располагает? Не скажет,
Даже пусть и просьбу сведущий слышит.
Заклинаю: разойдись теперь с каждым –
Кто идёт навстречу, тот второй лишний!

Мой смартфон от немоты кричит криком,
Если ты надолго смолкнешь внезапно.
И составы не грохочут по стыкам,
И востоком заражается запад.

Пса выгуливаешь в соседней роще,
Длинный поводок продолжает руку...
Ты прости, что не умею жить проще,
Обрекаю на разрыв, на разлуку.

Стул электрическим может быть стулом –
Только мысль одна пульсирует: «Как ты?!»
Никаким уже не верю посулам,
Верую в оборванные контакты!

Вот они сходятся на мониторе –
Оживляю спасительным курсором:
Тотчас на дальнем сибирском просторе
Отзываешься жестом, ясным взором.

МОРЕ СУДЕБ

Завтра – умерло море,
А сегодня – скорблю:
Сухопутное горе
Только ли кораблю?
Я стою, холодея:
Как идти – по нему?
Знать бы имя злодея,
Убивал почему...
Траурные разводы,
Зачерствелое дно.
Ждать у моря погоды –
И того не дано.
Лишь молчанье осталось
На минуту, на век
Да солёная малость
По окраинам век.
Волнорезные глыбы –
Как надгробья волнам:
Задышаются рыбы,
Задышаться и нам.
Я пошёл бы по свету,
Свет кончается тут.
Было море – и нету!
Край неморьем зовут.
Я стою перед смертью,

Как изваянный стон;
Состояние третье –
И не явь, и не сон.
Состояние значит:
Веры нет небесам.
А меня кто оплачет,
Если море – я сам?
Пересохну внезапно –
Тяжко жить не дыша...
И, как йодистый запах,
Испарится душа.
Взор сокрыть пятаками –
Вал девятый у ног:
Это на сердце камень,
Это мается Бог.
Что мне брненное тело?!
Я молюсь. Я молю.
Сколько душ отлетело –
Кто заметит мою?
Я любимую брошу,
Чтоб не мучить её;
Вспомню платице, брошку –
Не моё и ничьё.
Это будет честнее,
Чем солгать, не любя.
Боже милостив с нею,
А со мной – вне себя.

Устыжусь писанины,
Где слова на крови.
Были мы двуедины,
Вот и надвое рви
Болевые страницы:
Пусть по свету летят,
Словно странные птицы –
Я крылами их клят.
Надо мною проклятье,
Я смертельно устал...
Вдруг знакомое платье:
Потянусь – и в провал!..
Уступить? Ни на йоту.
Жизнь читаю с листа:
Ах, провалы без счёту –
Свищет мне пустота!
Кто-то может иначе,
Только я не могу,
Если стынет во плаче
На пустом берегу
Нелюбимая... Боже,
Море мучает нас!
Мы простились... И что же –
Жить разлукой сейчас?
Отчего ей такое:
Грех на мне весь, на мне –
Схороненье морское,

Где покоюсь на дне?
Мы, как свечи в соборе,
Догораем вдвоём:
Следом светится море,
Если ночью плывём.
Пропадаем из виду,
Ищем глубей мирских...
Служим вплавь панихиду –
Не по нас ли самих?
Мы очнёмся во мраке
От касания рук –
Обоюдные знаки
Цвет заменят и звук.
Пусть пророчат ундины
Холод млечных глубин,
Мы с тобою едины,
Бог на свете един.
И в небесном соборе
Обвенчаемся мы:
Примет горнее море,
Выйдем светом из тьмы.
Я забыл о надежде –
Шёпот милый утих...
Невозможно, как прежде,
Жить от сих и до сих.
Мог бы славить – ославил,
Звал бедой торжество...

Море противу правил,
Помертвев, не мертво.
Смерчей жуткие свёрла
Носят соль средь равнин;
Точно финка у горла,
Страх о том, что один
Доживаю, как инок –
И сума, и тюрьма:
Я умру без поминок,
Не сподоблюсь холма.
Пылью адской и солью
С головы и до пят
Я осыпан... О сколь я
На Голгофе распят!
Море бьётся в падучей,
Дюны ходят волной.
Всюду призрак летучий
Между небом и мной.
Брошу в море монету –
Возвращается вспять...
Зря стремился к ответу –
Думал время разъять.
Нет сегодня и завтра,
Есть одно лишь вчера!
Стоит жизнь ли азарта,
Если сушат ветра
И живой только с виду

Я на солончаках:
Тронешь тела хламиду –
Рассыпается в прах?
Слёз морская свобода
Мне отмерила срок,
И геенной исхода
Кровенеет восток.
Я предчувствую небыль
Измождённых камней,
А на западе небо
Всё темней и темней.
Крик Азова, Арала –
Чаяк чёрных прилёт:
Чья душа умирала?
Чья душа не умрёт?
Милей рваные сети –
Как морщины потерь...
...Был я? Не был на свете?
Сам не знаю теперь...

ТАГАНРОГ

Железная дорога вдоль Мёртвого Донца
И Чеховское море без края и конца –
До красных звёзд, до самой в коммуне остановки,
Где содраны революционные листовки
И загнан паровозик на площади в тупик,
И выстужена топка, призывный сорван крик...
И мир благословляем тяжёлой царской дланью,
И я рукоположен в любовный сан – к свиданью.
Другого знать не должны – ни я, ни ты, никто.
Да, бренные... И что же?! Вспомняемся зато,
Когда сойдутся звёзды и звёздные составы
Проследуют к вокзалу узкоколейкой славы.
Смотреть за ними больно – слепящие огни:
Куда? зачем? Такого не ведают они...
Вагоны голосами простуженными полны,
И тянутся на отмель рифмованные волны.
Твои же губы ошеломляюще близки,
Но удержусь, продляя объятие тоски,
Затем, что я отныне отсюда не исчезну
И превозмочь сумею разверзнутую бездну
Булыжного проулка, где цокают слова
И дивная улыбка права ли, не права,
Когда удержишься у петровского ботфорта,
А после впечатляешь для снимка на фоне порта

Не абрисом восточным, но раем во плоти:
Сполна платить желаю – отвечаешь: «Плати»
И баснословную за себя заломишь цену!..
Да занавес опущен, и покидаем сцену.
Сойдёмся, разойдёмся – сроднимы вразной,
И запинается возле надолбов прибой,
И нет красноречивей потупленного взора,
И снять бы грех под сводом церковного притвора...
В саду накроет обморочный вишнёвый цвет,
Как будто белый саван грядущих скорбных лет.
Авто рвану... Загадана встречная дорога,
Да только не уеду с тобой – из Таганрога.

ПРИЮТ

Досталось бедную тебя везти в приют,
А там болезные, испытые не пьют
И думу думают, горюнясь, что потом,
Когда свободу отхлебнут дрожащим ртом.

Вконец измучилась: ну хоть на стенку лезь!
И плачущие очи выжигала резь,
И слабо отбивалась, мокрая от слёз –
Не помню как, но всё-таки тебя довёз!

Стояла, девочка моя, у тех ворот,
Куда тебя отдам – «подонок, сволочь, скот...»
Куда зайдёшь одна, а выйти ли другой?
Благая вроде цель... Но цели нет благой,

Ведь я тебя жестоким образом предам,
Бросая на слепое растерзанье драм:
Чужие драмы – нету для тебя чужих!
Отныне горше не узнать очей твоих,

Когда затравленно посмотришь мне вослед,
Предвидя пытку от невыносимых бед,
А я тебе ничем не захочу помочь,
Уйду, бесстыжий, в разгулявшуюся ночь.

И ты свернёшься на казённой простыне
И станешь думать об ушедшем, обо мне...
И я почувствую тебя как никогда,
И устыжусь, хотя не ведаю стыда.

Обратно брошусь – этого тебе не знать,
И помолюсь у тех ворот, и Богомать,
Тобой дарёный образок, затеплит грудь.
«Господь, страданицу помилуй, не забудь».

БЕСКРЕСТЬЕ

Я видел сон, и в этом сне
Ты шла – порочная – ко мне.
Знакомый взгляд, знакомый жест...
Но где же твой нательный крест?
Бескрестье было предо мной –
Не знак ли женщины срамной?
О, да! Порок чернит черты:
Чем ближе ты, тем дальше ты.
Хотел молитвой исцелить,
Но обрывала мыслей нить...
Просил обратно крест вернуть,
Но ты в ответ – плеснула ртуть!
Таким был взгляд бесовский твой:
И я, ни мёртвый, ни живой,
Того не знал, что надо знать –
Тебя вела по жизни стать,
А если кто тянулся к ней,
Была к тому всего нежней...
И худосочные стихи –
Как наказание за грехи.
Но всё равно желал согреть –
Уже безумную на треть...
Пороком ты уязвлена:
Ничья вина – моя вина.
Ходить и прежде, как чумной,

Я мог бы за тобой одной.
Теперь другие времена –
Вдали полярная страна,
Где вынул душу неуют,
И ветры воют – не поют,
И раскалённый холод лют,
И водку по стаканам льют,
А если пьют – так до петли,
До мёрзлой навсегда земли.
Рванулся за тобой вослед,
И явью обернулся бред.
Хотел постичь, хотел помочь,
Но плачем прогоняла прочь.
И всё-таки постиг юдоль –
Постиг и поперёк, и вдоль,
Взыскупя то, что впереди...
И крест раскрылся на груди,
Как будто прежде был цветком
Невидимым... И я, влеком
К нему, к тебе, узрел Христа,
И мне предстала ты не «та»:
Знакомый взгляд, знакомый жест –
Но крест!.. Откуда взялся крест?

ГОЛУБЬ

А я голубь!.. Не жаворонок, не сова:
Спать ложусь – как ложусь и встаю – как встаю.
Караулят меня вертухаи-слова,
Чтобы всё позабыл, даже любовь твою.
Мне куда от них?! Только и сам не уйду...
Отбываю тюремный пожизненный срок:
Радость радует, или бедую беду –
Вижу небо клочок за решёткою строк.
Высь, как знамя, зовёт... Шапку – оземь: эх, ма!..
И туда, где степей выдох, грома раскат...
Голубица – крыло в крыло – жёнка моя!..
О таком написать бы правдивый рассказ!
Что нам день и что ночь?! Это всё равно,
Если времени в обрез у голубей.
Вот и бьёмся о решётку, а там – черно:
«Только, милая, себя ты не убей!»
Как без тебя? – знать не знаю. Да никак!
Проще голубиного сердца разрыв,
Чем во всём разбираться, во всё вникать
И не слышать знаменной выси призыв.

КУПЕЛЬ

Река замерзала, замёрзла.
Железом гремят поезда.
И прорубь укажет звезда,
И плеском аукнутся вёсла.

Ступаешь в крещенскую воду,
Наяда – моё божество!..
И накрест прорубленный створ
Грехи омывает народу.

Мы грешные – я так особо! –
Страстей и гордыни рабы.
Бежал бы куда от судьбы –
Зароком повязаны оба.

Не вместе, а ближе, чем вместе;
И рыскает рыжая рысь,
И сосны царапают высь...
Чего же скупишься на вести?

Разлука причислена к бедам –
Верстой погоняет верста.
И свет неприступный Христа
Невидим, неслышим, но ведом.

ВЕТКА

Поцелуи мои расцветали на теле твоём,
А один запылал... И осталась нагрудная метка.
И пускай засыпаю уже не с тобою вдвоём,
Но стучит по стеклу, как тогда, безрассудная ветка.

Не она ли соперницей билась в ночное окно?
Только ты не пускала её – нам хватало друг друга.
И венчал, увлекая за Дон, колокольный канон,
И, казалось, вдыхали на ложе цветение луга.

Страстный знак не сокрыт, не сошёл
и не стёрт до сих пор,
И горячими снами, стихами размножен по свету.
Всё, что с нами случилось дотоле – пустой разговор,
Стоит лишь за окно посмотреть на знакомую ветку!

Почернела она и походит почти на крыло.
И не дерево горбится там, а большая ворона –
И стучит, и стучит, и уже разбивает стекло...
И осколками до смерти ранится бедная крона.

Наземь падает ветка – беру, хоть не знаю зачем,
И жалею её, как одну лишь тебя и жалею.
Может, лучше уйти и сойти бы на нет, как ничей –
Замаячить под ливнем и выбрать пустую аллею?

Эту ветку, наверное, возле дерев схороню,
Где товарки апрельские буйствуют вольно под ветром
Да и корчатся после, себя отдавая огню –
Тот студёный огонь мы с тобою признали ответом,

Что один объясняет, чему объяснения нет,
И что вяжет со мною тебя и ведёт по-над краем:
Во спасенье лелею цветка потаённого свет,
Оттого, умирая не раз, всё же не умираем.

Сам себе говорю, а чего ты хотел?.. Перестань –
Забывай, позабудь про цветок, натыкаясь на клетку.
И хотел бы кричать, да забита слезами гортань,
И роняю у ног эту мёртвую чёрную ветку.

ЛЯГУШАЧИЙ ПРИНЦ

Куда ты, лягушачий принц?
Она тебе стрелу пустила –
И пала пред тобою ниц...
Её любви живая сила
От колдовства бы исцелила
Одним лишь только поцелуем –
И брак с такою неминуем.
Но ты постыдно уискал
Туда, где чавкает болото.
Тебе не нужен тронный зал
Да и влюбляться неохота.
Дурак ты, принц босой... Босота!
Венчала бы тебя корона,
Сойдись навеки с ней законно,
Зелёные твои глаза
Не видят ничего неужто?!
Из-за подружек лишь, из-за...
Весной заходишься натужно:
Тебе отныне мало нужно –
Витать бы в эмпиреях только
И рвать привычно там, где тонко...
Ах, как же лучница мудра
И этой мудростью прекрасна,
И мановением пера
Вершит дела – тебе ль не ясно?!

С такой на свете не опасно,
Когда доверишь управлять ей
Потешной королевской ратью.
Ты сам не станешь королём,
Бездумно прозябая принцем.
Сидеть другому за рулём,
Хотя бы мог пойти на принцип
И не в болоте жить, а в Ницце.
Всего лишь поцелуй, объятье —
Да есть ли у тебя понятие?!
Лягухи прочие теперь
Живут при славе и почёте,
Не знают горестей, потерь —
Тебе же квакать на болоте.
Ошибка вышла при расчёте:
Стрелу она в сердцах сломала —
Такой потребно много, а не мало.
И если целит наугад,
То счастья более не ищет.
Мерещатся ей невпопад
Меж тем зелёные глазищи,
И думает о принце нищем
В своём далёком стольном граде,
Не ведая, чего бы ради...

ГОРЛИЦА

Я сойду с электрички – не с ума ли сойду...
Надрывается горлица в дачном саду.
Что неволя, что воля – теперь всё одно:
Умирает рябина и стучится в окно,
Да никто не выходит на разохшийся стон –
Укатила не ты ли вчера на Ростов,
Загорелая дачница, горлиц сестра?..
Мне, ревнивцу Отелло, отпылать без костра.
Кличет горлица, кличет: «Милый мой, милый мой!»
Я поверил словам и – сюда, не домой...
Водосточный вопрос зацепился за край
Небосвода... Рябина, с горя не умирай!
А калитка закрыта на щеколду разлук:
Пустота презирает мой стук-перестук...
Воля пуще неволи, а грешнице – рай:
Ах, Рябина Цветаева, ты не умирай!
На перрон возвращусь, никому не родной:
«Астраханец» стенает тюремной стеной,
Срок на стыках сочтёт затяжной товарняк...
Тут со мною стакнётся некто: «Дело – верняк...»
Отвечаю: «Братишка, я теперь не в себе...»
И зайдётся от горя не гром ли в стрельбе?
Камыши оторочены чёрной каймой.
Слышу горлицу, слышу: «Милый мой, милый мой!»

Стремись туда – живой ли, мёртвый –
пеше, летом, вплавь...

Поруганное знамя подними,
И поцелуями от поругания избавь,
И с ним опять стремись. Туда, к семи...

Урочный час влечёт квадратом чёрного окна.
Так будет свет?! Гадаешь – нечет? чёт?
Но выше знамя! Кто она? Она и есть она.
И мечется дворами чёрный чёрт

Кружения ночного вместо верного пути,
А тут ещё патрульный воронок
Невесть откуда взялся... Будь неладен! Как уйти?!
На всякий случай стань за водосток.

Сольются ваши тени – знамени и тень твоя,
И вы уже единое одно,
И возноситься не вдвоём ли, тайну затая,
И древком доставать её окно?

Услышит стук. Подумает, что дождь
иль птичий клюв...

Но ты стучи, как вызывай – никто.
И небо разрывает крик немой: «Тебя люблю!»
И знаменем покроют, если что...

ВЯТУШКА

Ходят лесом волки серы,
Дальняя моя родня.
Вятушку любил без меры
Целых три свободных дня.
Потому три дня свободных,
Что оставил шум и гам
И своим добрался ходом
Прямо к вятским берегам.

Речкой Вятушкой была мне
Баба ягодка опять:
Зря донские мнились плавни –
Пред такой не устоять.
Первый день, второй и третий
Белой ночью стали враз.
Я бы мог другую встретить,
Но куда – от жарких глаз?!

Прописался на деревне:
За калиткой – раем рай.
Утро петушиным гребнем
Озаглавило сарай.
Лёгок на подъём, не грузен,
Воду в ступе не толлок.
Ну а коль назвался груздем,
Полезаю в кузовок.

Кузовок, скажу по правде,
Раз обхват и два обхват –
Заяц с перепугу прядал...
Кто я ей? Ни кум, ни сват.
А всего – как есть! – прохожий,
Просто мимо проходил
И сложил к избе порожки –
Угодил, так угодил!

Я рифмовку строк дощатых
Закрепил не встык, а в паз,
Изругав себя нещадно,
Что уйду на этот раз.
Дивное оставлю поле,
Несговорчивость болот...
И пойму, чего не понял –
Высший смысл пчелиных сот.

Эх, ребята, ребятишки,
Вам такое невдомёк!
На юру берёз манишки
Разутюжил солнцепёк.
Любные не имут срама –
Чувства исты и чисты,
И святят окрестность храма
Православные кресты.

Я свободен, так свободен,
Как ни разу, никогда,
Зная, кто ходил по водам –
Колыхалась чуть вода.
Куст черёмухи отстиран
Белой ночью добела.
Вятушку любил, настырный,
Реченька моей была...

Увлекли излук лекала,
Закружил угоров круг,
И, объятъем облекая,
Я забыл своих подруг.
Пил из губ, не мог напиться,
Запалённый при ходьбе...
...В край чужой летала птица,
А сидит на городьбе.

Мне до птицы нету дела:
Окольцована судьбой,
И не то чтоб надоела –
Впору стать самим собой.
Знает всё, чего не знаю
Да и знать не захочу,
Если ставенка резная
Распахнулась по лучу.

ВОРОНЁНОК

Заблудился воронёнок,
Перебитое крыло.
Ты не взрослый – ты ребёнок,
А такому тяжело.
Одинокий, замерзая
На снегу, на целине,
Ты блуждаешь, троп не зная –
Наяву или во сне?
Воронёнок, воронёнок,
Наступили холода:
От метельных злых воронок
Улететь бы!.. Но куда?
В лютый холод обогрею,
А весною улетай:
Если хочешь – то в Корею,
Если хочешь – то в Китай.
Ветер воет, студит души:
Я и сам один бреду
И не ведаю, где лучше:
Бедовать привык беду.
Воронёнок, станешь вещим,
Не предав свои края.
Только голову не вешай,
Воронёнок – жизнь моя!

НА ВЕРХНЕЙ ПОЛКЕ

Я любовную победу
Оставляю за спиной
И на верхней полке еду –
Сам весёлый и хмельной.

Воркутинская особа,
Как ты там сейчас одна?
Я любил тебя до гроба –
Вот и вся моя вина!

Даром ли была объята
На периновом пуху...
Хорошо-то как, ребята,
Хорошо как наверху!

Оставляю то, что было
И не будет никогда:
Я любил, навряд любила...
Загадались поезда!

И теперь качу подале,
На родную сторону.
Вы такого не видали –
Я винюсь не за вину.

У тебя жильё повсюду,
Мы сошлись на северах
И любились – гадом буду!..
Сыпал в окна снежный прах.

Душу выстудили стужи,
Окаянные снега:
Каждая, как ты, не тужит,
Словно птица пустельга.

Только зря искала выгод,
Коих нету у меня..
Дверь откинулась на выход,
Вольной вольницей маня.

Да! виновен за одно лишь,
Что любил – рубаху рвал!..
Кто бы ведал, чем неволишь,
Хоть и ныне вольным стал?

Стынет слово комом в горле –
Ни туда и ни сюда.
Это горе разве горе,
Эти слёзы – что вода!

Поминаю привереду,
Мёрзлый город Воркуту
И на верхней полке еду,
Обожая верхоту.

Отпишусь как есть с дороги,
Мол, прости-прощай... Ту-ту!
Мчат есенинские дроги
Или месяц – в темноту.

Я окно чуток открою,
Воздух свежий хватану.
Лес берёзовой корою
Обеляет враз вину.

Мне заказана дорога,
Запропащая судьба,
Но с крестом рука не дрогнет,
Осеняя ото лба.

Крест кладу себе на плечи,
Если явлен встречный храм,
И, презрев чужие речи
Я творю молитву сам.

А подруга... Что подруга?!
Сколь отыщется таких
У Полярного ли круга
Аль на берегах донских.

ВОРКУТА

Зря ль окликнул тебя, Воркута –
Воркованье твоё у плеча...
Так бы век, а не ночь коротать,
Да почти догорела свеча.
Ненасытные губы твои
И задушат и душу сожгут:
Скажешь: «Вены свои отвори»!
Отворю, но вернее бы жгут
Из верёвки вокруг шеи – и вниз!..
Это, чтобы любовь доказать.
А могу и шагнуть на карниз,
И схватиться за лунную статью...
Но усмешка твоя промелькнёт,
Обрывая галимую нить,
Только горлинка, сбитая влёт,
Воркованье желает продлить.
И на лагерь плевать, на тюрьму –
Поцелуем её прикормлю:
Разве скажет она хоть кому,
Сколь дотолер терпел и терплю
Воркутинскую снежную блажь,
Залихватские скаты дорог...
Пуля-дура, теперь не промажь!
Гильза стукнется пусть о сапог.

КНЯЖЕНИКА

В. Галицкой

Эту ягоду ягод – княжну, княженику –
Я искал, обыскался, где топи и гнус.
Попадались другие... Не рвал, поелику
Горше горького ягоды были на вкус.
Опечалился тем, но – печален не весь я,
Говорил сам себе: «Ничего, ерунда...»
Забубённую голову низко повесил,
И пошёл, и побрёл неизвестно куда.
Случай вывел к деревне с названием Княже –
Здесь ли княжеской ягоде нету числа?!
И вдова зазвала, и челомкались даже,
Только ягодка бабья княжной не была.
Кем была для меня?.. Я не знал и не знаю,
Потому как от белых ночей не спалось.
И я вывернул душу свою наизнанку,
И в калитку тесовую торкался лось.
Впрочем, что ей – душа, той бабёнке глазливой,
Если паморки зависть забила и злость,
Если я не пьянел – от несчастья счастливый,
Раз иную ищу, а в избе – просто гость?
Зависть чёрной была оттого, что везучим
Ей казался, как в свете никто и нигде,
Мол, и с нею связал, выпал дуриком случай,
А случайная связь – к неминучей беде.

Алым полымем вспыхивал цвет иван-чая –
Цвет без радости мне, коль трясина вокруг,
И смотрел на просёлок, всё больше сучая,
И вдова обернулась кикиморой вдруг.
Изругала без надобы, слала проклятья,
Угадав, что собрался подале всерьёз...
Мне слепили глаза подвенечные платья
Придорожных молодок – плакучих берёз.
Сколько встретилось после и чуда, и юда,
Сколько раз перехватывал ветер гортань!
Сто путей, сто дорог перемерил отсюда
И рискнул перейти за последнюю грань.
Огорчение, горечь забыл... Не забуду,
Как увидел, не чая увидеть уже,
Княжью ягоду губ, что сподобились чуду
И сводили с ума на крутом вираже –
Я его заложил по дуге поворота...
Удержала машина завьюженный путь,
И послал я к собачьим чертям все болота:
Если даже вернусь – ничего не вернуть!
Съехал в сторону. Спутница сладко дремала,
Мыслей этих не знала и знать ей на кой,
Зря ли княжьего рода – ни много, ни мало –
Вдруг явилась она... Смердом стал у такой!
И взаправду – от княжьего рода издревле
Прямо к ней протянулась живучая нить.

А деревня... В глуши затерялась деревня.
И понять – не пенять: остаётся простить.
Про княжну не придумал, и в самом-то деле
То ли Галицких ветвь, то ли прочих князей,
Что во славу славянской землёй володели,
Дивной статью и речью аукнулись в ней.
Поражённый однажды княжной – и навеки,
Я боялся взглянуть, но глядел и глядел,
Как на свет распахнулись смежённые веки
И под взором её – беспределен предел
Сил моих, и сомненья мои – не сомненья,
А минутная слабость – исчезнет вот-вот,
И слова снизойдут от ресниц мановенья,
И не раз одолею на раз поворот.
Правлю службу и верой, и правдой, отчаян,
И узнает княжна, сколь всего я смогу!..
Стоит ей пожелать – и цветы иван-чая
Алым полымем вспыхнут на белом снегу.

СТРАТЕГИЯ

Я – бог войны, я – стратегического
назначенья бог:
Я запечатал шагом строевым бетонную дорогу
В краю бандеровских лесов,
и не осталось там дорог –
Одни болота и колючки ржа...
А впрочем, слава богу!
Площадка стартовая, запасной район –
храню секрет.
Секретная площадка, боевой расчёт –
солдатский опыт.
Закидывая голову, крещусь на купола ракет.
И если даст комбат команду: «Ключ – на старт!» –
гори, Европа!

ПРИНЦЕССА ГОРОШИН

Платье синее в белый горошек –
Эту сказку придумала ты:
И смотрю на тебя огорошенно,
Как я жил до твоей красоты?!

Чёт ли, нечет? – окружие бусин,
Соблазнительной шеи охват.
Мне погладить бы волосы русые.
Повиниться... Я так виноват!

Облик светится на мониторе,
И тобой называется день,
А в остатке от прежней истории –
Метка чёрная, чёрная тень.

Откажусь от судьбы безрассудной,
Что хотела с тобою разъять,
И плевать на суды с пересудами –
Гладить только бы русую прядь...

Может, мне достаёшься на горе,
Если жизнь, точно сажа, бела:
И гоняешь от города к городу,
И молюсь, чтоб удача была!

Джип уходит и в сумрак, и в ливень,
И выносит к реке на откос.
Становлюсь, в самом деле, счастливее
От сияния русских волос.

А речные русалочки воды
Столько ведают, боже ты мой!
Расстаюсь навсегда с несвободой,
Воля вольная – путь по прямой!

И, стремлению этому рада,
Держишь руль – будто правишь судьбой:
Так и носишься по автострате ты,
Так и странствую рядом с тобой.

Столь речное поведает судно –
Вот проходит оно, глядь-поглядь...
Мне же время отпущено скудное
Целовать на прощание прядь.

Будь везучей, принцесса горошин,
Коли трасса разводит всегда
И раскатано скатами крошево
Из рассыпанных бусинок льда!

КАРНИЗ

Цепляется ветер за мокрый карниз,
И стылые пальцы скользят по железу.
Да это не я ли карабкаюсь, лезу?
А мог бы летать: стоит броситься вниз –
Туда, где пугают ночные прогалы
И дерзкий шиповник взошёл на крови,
И мучает город пропажа любви...
Меж тем простодушные рыжие галлы
Живут-поживают бездумно в Европе,
Не зная того, что за мокрый карниз
Цепляется ветер в дождливом потоке
И тем исцеляет неслыханный криз.

Должно быть, сегодня... Да вот же, сейчас!
Конечно, сейчас протянула мне руки –
Желал бы, да вот не постигнуть науки:
Мол, жизнь продолжаться не может без нас;
Любовной науки, похожей на сонник,
Где всем и всему объяснение есть
И где толкований причудливых весть
Страшной, безысходней болезни кессонной...
Любовь увлекает ко дну, а обратно
Уже не всплывёшь – путь в один лишь конец.
И что напоследок?.. Осталось не врать нам
Да слушаться парного стука сердец.

Скользят и срываются пальцы дождя –
Карниз, как железная клавиатура,
Усталый троллейбус рогатиной тура
Царапает падшую высь, уходя
Незнамо куда – лишь искрятся разряды,
Двоится по следу гремучий поток...
Мы рядом с тобою, а город жесток,
И горько, что рядом, но этому рады.
Озоном твоим надышаться и мне бы;
Пока же – сумбурного счастья игра
Про то, как расстаться настала пора...
А мыслю: «Отнять ли такую у неба?»

ШАНХАЙ

Вращается небо вокруг золотой колокольни.
Ростовский Шанхай прилепился к булыжному спуску.
Обрыдло шататься по свету путями окольными –
Китайского чаю хочу с поцелуем вприкуску!

Тверёза моя китаёза... Любовь опьяняла:
Была – да и вышла... Но что про любовь нашу знаем?
Ко мне выбираешься томно из-под одеяла,
И сладко подхватывать смуглое тело, как знамя!..

Моя китаёза, дремотная гуля... Спросонья
Твои несказанные очи до щёлочек сужены.
У, соня! Премудрая Софья, смешливая соня,
Да разве такую устроит насупленный суженый!

А старый базар у собора заходится криком:
Не твой ли жених расторговывается отчаянно?..
Полюбишь меня – и я стану, как Будда, великим,
Поэтому нам ни к чему церемонии чайные.

Желтеет не солнце – раскрытая пасть у дракона,
Когда обнимает бесстыжий зверюга с халата,
Но золото вдруг из угла источает икона,
И я содрогнусь, что ума своего – не палата.

С тобою любиться, крестясь на соборные главы...
Меж тем пацанёнок ломает педали на велике,
Гоняя за славой бесславья – славнее нет славы.
А лавры? Что лавры! Всё те же – базарные веники!

Ветра из-за Дона слетаются – голуби сизые,
И птиц воркование – видимо, к скорой разлуке.
Покажешь стыдливо мне паспорт с открытою визой
И крыльями руки поднимешь... А я опускаю руки.

Суда под разгрузкою грезят далёкою Волгой.
Как жить без тебя?! Матерюсь:

«Все женщины – ведьмы!»

А сам не могу наглядеться... И волчье ждёт логово.
Глаза отведёшь – угадаю: не встретимся впредь мы.

Тебя заглотнёт привокзальная чёрная прорубь.
Пущу на разгул, на распыл настроенье дрянное!..
Жестокое рельсы кровавит раздавленный голубь,
И вижу его лишь, хотя уже вижу иное.

СЕЙЧАС

Пусть уже не дышать, не смотреть,
Пусть на плаху, на дыбу, в огонь –
Мне желанней такая вот смерть,
Чем тревога и ужас погонь!
Гнал и гнался по свету за тем,
Что маячило зря впереди
И казалось мне темой из тем,
Но сейчас разорвалось в груди.
Я тебя всем другим предпочту,
Сколь ни есть и ни будет других,
И решусь перейти за черту,
И склонюсь у коленей твоих.
Вижу глаз невозвратную глубь,
И касаюсь текучих волос,
И не знаю приманчивей губ,
И постыден ответ на вопрос:
«Как случилось, и как же я мог
Величать неизвестно кого?!»
Мне бы вымарать весь эпилог
В том романе, что был до сего.
Текст размножен и есть посейчас.
Говоришь: «Ерунда, перестань!..»
Соловьиного чувства запас
Перехлёстом охватит гортань.

Для такой лишь отныне отверст:
Очи застит изгибами стать,
Удвигителен взор твой и жест –
Что ни скажется, не рассказать!
Жизни этой не будет потом,
А иная уже не про нас,
Лишь бы руки сходились крестом,
И продлилось назавтра «сейчас».
Мне желать – не желать ничего! –
Пусть провал, и погитбель, и сон...
Стал заменой всех и всего
Этих долгих объятий полон.

УЛИЦА ГОРЬКОГО

Ветер шёл вразвалку вдоль тюряги,
Лаяли собаки за стеной.

Горе горькое – поэты ли, бродяги? –
Шли по Горького – не по Сенной.

Я хотел свободным стать... И стал им:
Клин вам в глотку, суки-господа!
Сталина застали – мы из стали,
Нам ли страшен приговор суда?!

Наш вожак не А. М. Горький разве?
Горький навещал сии края.
Улиц Горького в стране как грязи,
А в Ростове – улица моя.

Век свободы не видать в России:
Срок за сроком – тянутся срока...
И кого о жизни ни спроси я,
Нету жизни – горькая тоска.

Так залить бы горькой, что ли, горе!..
Не поможет: пробовал не раз.
Плач горячий тонет в общем хоре,
Но идём, не опуская глаз.

Мы ещё не отзвучали гордо,
И поэт-бродяга – человек.
Мы идём своим пока что ходом –
Час идём, а вроде – целый век.

Нам вослед летят камней проклятья,
Ополчаются враги, друзья...
Только ветра всё сильнее объять –
Вот кого нам предавать нельзя!

Ветер, он – последняя свобода,
Забывать о воле не даёт.
Нет свободнее того народа,
Что по горькой улице идёт.

ЗАТМЕНИЕ

Затмение солнц на моём каменном лице,
Когда не желаешь видеть...
Качается в петле разлад, плющится в свинце,
Но это кому как выйдет.

И что же отныне: кричать криком ли во тьме,
Идти ли к тебе наощупь?
Содержится в клетке грудной сердце, как в тюрьме,
Не веря гоньбе... А проще

Безумцу рвануть наобум чёрное авто
И махом – с моста, с обрыва!..
Никто не виновен. Догадаешься ты: «Кто...».
Ещё угадает ива,

Чей стан истомил и бессонницами извёл,
У чьих ты колен расстался,
Взмывая туда, где крылья складывал орёл...
И падал – не разбивался!

Недаром сверх меры заплачено за простор,
Никак неподвластный взору,
Когда не проигрывает безнадёга спор,
А вырвется вдруг к простору.

Во царстве на трассе, разматывая км,
Навроде – Иоанн Грозный,
Хотя сидеть вне храма на приставной скамье –
Из-за такой! – с такой розно.

И вновь на лице проступает кричащий свет,
Меня обращая в слово.
Без разницы: узнаешь об этом или нет –
Но свет затмеваешь снова.

Он схлестнулся крест-накрест с тобою
И земные отринул пути.
И, распятые общей судьбою,
Разве можете с неба сойти?
Было то, что ещё не бывало,
А что было – рассыпалось в прах...
Ты руками его обвивала
И в подлунном и в прочих мирах.
Откликалась на редкое имя,
Постигала размолвок туман;
Неземная улыбка таима –
Холодит и волнует обман.
Он живёт у слепого экрана –
Затянул виртуальный портал.
Вместо сердца – открытая рана:
Сам бы рану не забинтовал...
Ты придёшь, ты омоешь слезами –
Тайно вылечишь рану его;
И с высот золотое сказанье
Явят звёзды, не зная того,
Что отчаялся сумрак осенний
И качается лодка вдали,
И дремотные запахи сена
Долетают с далёкой Земли.

Скребётся по ночам крысиное подполье,
И омутом стакана бредит алкоголь,
Но три креста кладёт на лист перо соколье,
Означив голошенья всенощную боль.

Я чистый звук искал – обманывался грубо.
Хотела пожалеть... Любила без ума!
Обугливает слог целованные губы,
Моё оплечье крыл – заплочная сума.

Смогу ли звук исторгнуть горестней и чище,
Чем истым покаяньем горла перехват,
Когда святится троекрат моё жилище
И я за всё винюсь, ни в чём не виноват.

Оплакивать бы след мою больную душу,
А я молюсь навзрыд, как молятся о тех,
Кому из вод тяжёлых не ступить на сушу
И муки чьих скитаний не искупят грех.

Отречься захочу... Не отрекусь от речи!
И вновь, любимая, я захлебнусь виной:
Саднят невмочь без той крылатой ноши плечи,
Распятие, знаменье соколье – предо мной.

КАРМЕН

Мой проспект называется именем Стачки –
И плевать я хотел на угар перемен!
Здесь трамвая дождусь, а сойду у «табачки»,
Где под каменной аркою встречу Кармен,

Чьи пиковые очи огнём истерзали:
Вот и в небе они – звездопад, звездопад...
Очи мне ворожат на ростовском вокзале,
Если вдруг соберусь уезжать наугад.

«Мой червовый король...» – прошептала вчера ты,
А сегодня хохочешь надменно в лицо.
Из-за чёрных очей совершали растраты
И гортань забивали горячим свинцом.

Что гадать по руке!.. Мне – любовь да измена.
А измена – как вольному воля теперь.
Я бы вырваться мог, да не вырвусь из плена
Этих чёрных очей – и паду аки зверь.

Зря ли арка советской эпохи барокко
Оказалась прочнее сплетения рук!
Счастье наше – несчастье, сплошная морока
И бессонные сны, и излуки разлук.

Напоследок твои обнимая колени,
Ужаснусь, если вывернет душу тоска.
Ах, моя ты Кармен!.. Я – цыганский твой пленник.
Кто мне скажет, зачем я тебя отыскал?

Расставаться пора, а уже не расстаться.
Серебристой дороги свернулась петля,
И товарки твои томно выкажут статность,
Что барона пленит и пленит короля.

БАЛЛАДА ЧЕТЫРЁХ

Четвёртый приходит ночами к тебе,
А с вечера третий припал к изголовью.
И север играет на дымной трубе,
И алчущих ты оделяешь любовью.
Где первый? Так вот он – стоит за окном.
И рядом второй озирается пёсы.
И сон этот кажется больше не сном,
И страшно подумать, что может быть после...
Баллада – блокада: уже никуда
Тебе не сбежать от настырной четвёрки.
Поднимется дыбом речная вода,
Ударит, срывая оконные створки.
Чего ты спросонья ревёшь? Не реви!
Опомниться можно – ещё есть минута,
Ведь слёзы твоей молодой нелюбви
Копила, скопила апрельская смута.
Оставишь, как есть, четверых в темноте –
Падут на дождливые травы бесчестья...
И кинешься к сходням, похожим на тень
От мачты фрегата, что был неизвестен
Распатланным ивам и тихой реке,
Но стал и стоит у разбитого мола!
Ещё ты успеешь, как есть, налегке
Взметнуться на палубу стягом подола.

Воздушный фрегат – без руля и ветрил,
Воздушный фрегат – паруса-домотканка.
Такую никто никогда не любил,
А то, что случилось – всего лишь обманка.
Минута – и душу и тело сменить!
И, эту мгновенную смену оплавав,
Тому изумляться, того изумить,
Чей мир одинаковый не одинаков.

ДВА СЕРДЦА

О, паруса – век золотой!
И ветры ловит клипер чайный.
И на форштевне лик святой
Благословляет нас – отчалить,
Когда бросает гон крови
К невообразимой страсти
И горизонт бортами рви,
Заглатывая мили странствий.
Два сердца – узел свит морской
Не для паромной переправы,
А чтобы захлестнуть тоской,
Когда на пару мы не правы...
Пиратский фарт, да он со мной
И именем твоим означен –
Монеткой скрылся под волной
К возврату счастья ли?.. Иначе,
Зачем в портовых кабаках
Тяжёлым взглядом упираться
В другой тяжёлый взгляд, чтоб страх
Тебя терять бросал бы драться
Невесть с каким-то моряком,
А впрочем, и с конкистадором?
Пускай тебе едва знаком,
Но жизнь не кажется мне вздором.

И ты качаешься, пьяна
От дерзких слов моих... Любовью
Исполнена... Полным-полна
Гремучей и горячей кровью.
Мне чайки предрекли беду,
Но парус не убрал с бушприта.
И без ножа на нож иду,
И ты танцуешь, Карменсита.

ДОТЛА

Мы с тобой согревались телами
И согреться никак не могли.
Мы горели... Сгорели дотла мы.
Замерзаем в межзвёздной пыли.
Утешаемся мёртвыми снами
И очей закрываем цветы.
И никто не узнает, что с нами,
Не узнает, где я, а где ты.
Мы последним единством едины –
Разве можно безумных разъять?
И свиваются насмерть седины,
И друг друга у нас не отнять.
Сколько ты ни встречаешь отребья –
Не проси ни о чём, а прости:
Совершится небесная треба
На разбитом, кандальном пути.
Невдомёк им, земным властелинам
Недр гремучих и огненных рек,
Что сказали звезде: «Постели нам!..» –
Да и спим, как не спали вовек.

ОБЕРЕГ

Милая, гладишь меня по щеке –
Я, как всегда, небрит навсегда.
После заблудишься ты вдалеке,
И обомрут мои поезда.
Только сейчас никого нет роднѐй:
Боль отдавай – до стога стерплю:
Так ни о ком никогда не радел,
Так не любил и не люблю.
Если презреешь, то сам виноват –
Мало делился жизнью своей;
Был непонятен, сочла – нагловат,
Верил тебе, ты веру – развей,
Чтобы не думал: такая одна!
Сдуру такую не возносил...
Вон как бушует чужая весна,
А на свою не хватает сил.
Время останется после меня,
Лишь бы тебя от любви сберечь –
Той, что не знает ни ночи, ни дня,
Той, что мою замыкает речь.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРЛИНЫЙ ВЗМАХ	5
БЕДНЫЕ ЛЮДИ	6
АВДЕЕВСКИЙ ХРАМ	7
«Тучи небо застыт...»	8
БРАТЫ	9
РУССКИЙ ВАГНЕР	11
ЗНАК	13
АЗОВСТАЛЬ	15
УКОР	17
ЖАВОРОНОК	19
ВАГОН	27
БОЛЕВОЙ ПОРОГ	28
КАЛИТА	29
СВЯТО МЕСТО	32
ПОЕЗД	33
ЛЕДОХОД	35
АНГАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ	38
ХРАНИТЕЛЬ ЗНАМЕНИ	39
РЕШЁТКА	42
КРЕСТИЛЬНАЯ ЩЕПОТЬ	43
ЛЕДЯНОЙ ЦВЕТOK	45
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА	47
АПОСТОЛ	48
ЧЁРНЫЕ ИЗБЫ	49
КАЗАЧИЙ ПОМИН	51
СТАЛИНСКИЙ УДАР	52
ШТЫК	53

НОЧНОЙ СОЛДАТ.....	55
РОДОВА.....	65
БАБЬЯ ТРАВА.....	67
НИКОЛА.....	69
ГОСТИ.....	71
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ.....	73
ПО ВОДУ.....	74
ДЕРЕВО НА КАМНЕ	75
ЖЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ	77
AЗИМУТ.....	78
КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.....	79
СОЛОВЬИ.....	81
БАБОЧКА СЕРДЦА	83
РУСЬ	85
СКИФСКИЙ КВАДРАТ.....	87
БОГАТЯНОВКА	88
ИЗБА-КНЯГИНЯ.....	89
РЫСЬ.....	91
ПОГЛЯД	93
ВЕДЬМАЧКА	95
ДАЛЬ	97
АРМАГЕДДОН	99
«Никто – ни бог, ни царь такой-сякой...»	100
ИЗОЛЯЦИЯ ЛЮБВИ	101
МОРЕ СУДЕБ.....	103
ТАГАНРОГ	109
ПРИЮТ.....	111
БЕСКРЕСТЬЕ.....	113
ГОЛУБЬ.....	115

КУПЕЛЬ.....	116
ВЕТКА	117
ЛЯГУШАЧИЙ ПРИНЦ	119
ГОРЛИЦА	121
«Стремись туда – живой ли, мёртвый...»	122
ВЯТУШКА	123
ВОРОНЁНОК	126
НА ВЕРХНЕЙ ПОЛКЕ	127
ВОРКУТА.....	130
КНЯЖЕНИКА.....	131
СТРАТЕГИЯ.....	134
ПРИНЦЕССА ГОРОШИН	135
КАРНИЗ.....	137
ШАНХАЙ.....	139
СЕЙЧАС	141
УЛИЦА ГОРЬКОГО	143
ЗАТМЕНИЕ	145
«Он схлестнулся крест-накрест с тобою...»	147
«Скребётся по ночам крысиное подполье...»	148
КАРМЕН.....	149
БАЛЛАДА ЧЕТЫРЁХ	151
ДВА СЕРДЦА.....	153
ДОТЛА	155
ОБЕРЕГ	156

Литературно-художественное издание

Виктор Сергеевич Петров

Русский ХОД

Стихотворения

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

П 30

Виктор Петров. Русский ход: Стихотворения.

Ростов-на-Дону: Дониздат, 2025. – 160 с.

ISBN 978-5-86216-296-7

@Петров В. С., 2025

Фото Петра Чумакова

Редактор Оксана Фомина

Корректор Татьяна Кузнецова

Подписано в печать 10.01.2025

Формат 60х84 /32. Тираж 300 экз.

Издательство «Дониздат»

г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 23

Отпечатано в типографии «ВУД». Заказ № 15

г. Ростов-на-Дону, ул. Туркестанская, 1а